

Срывая покровы. Доктрина «снятия корпоративной вуали» в зарубежных странах и в России

Компания с ограниченной ответственностью, несомненно, является одним из наиболее выдающихся изобретений человечества. Именно она, наряду с техническими достижениями, обеспечила возможность стремительного экономического развития нашей цивилизации на протяжении последних полутора столетий. Такая компания, во-первых, является отдельным от своих участников субъектом права, и, во-вторых, участники не отвечают по ее обязательствам. Последнее обстоятельство делает возможным привлечение средств инвесторов в различные, в том числе рискованные коммерческие предприятия, что и создает благоприятные условия для реализации всевозможных инновационных проектов.

Увы, нередко компании с ограниченной ответственностью используются недобросовестно, в том числе как инструмент обмана кредиторов. И здесь возникает вопрос, стоит ли всегда непреклонно следовать принципу ограниченной ответственности, или же иногда от этого принципа можно и отступить, возложив ответственность перед кредиторами на участников компании или иных виновных лиц. Очевидно, что иногда такие исключения вполне целесообразны, вопрос лишь в том, при каких условиях. Эти условия должны быть достаточно ограничительными, чтобы не лишиться содержания саму концепцию ограниченной ответственности.

Действительно, право большинства стран предусматривает те или иные отступления от принципа ограниченной ответственности. Эти отступления могут быть сформулированы непосредственно в законодательстве (например, в законодательстве о банкротстве) или являться продуктом судебной практики.

В странах англосаксонской системы права существует доктрина судебного происхождения, известная как «снятие корпоративной вуали» (piercing/lifting the corporate veil), предусматривающая возможность возложения, в определенных ситуациях, ответственности по обязательствам компании непосредственно на контролирующих ее лиц. Встречаются и другие варианты перевода этого термина: «прокалывание корпоративной завесы», «проникновение под корпоративный покров» или даже «срывание корпоративной маски».

В российском законодательстве, как и в других странах романо-германской системы права, общей нормы о «снятии корпоративной вуали» нет. Однако в России уже довольно давно ведутся дискуссии о необходимости принятия подобного правила, будь то на уровне законодательства или судебной практики. В частности, сторонником доктрины «снятия корпоративной вуали» является Председатель ВАС РФ Антон Иванов. «Внедрение этой доктрины в российское арбитражное судопроизводство станет еще одним шагом ... к социальной ответственности бизнеса», - полагает Председатель ВАС. В течение 2012 года появилась и первая судебная практика по этому вопросу, правда, пока довольно противоречивая.

Далее мы рассмотрим правовые основы и примеры применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в различных странах, включая Россию.

Великобритания

В Великобритании концепция акционерной компании, являющейся отдельным от ее акционеров субъектом права, была впервые введена законом от 1844 года.¹ Ограниченную ответственность компании получили позднее, в 1855 году.² А в 1862 году был принят первый Закон о компаниях,³ к которому восходит и ныне действующий Закон о компаниях от 2006 года.⁴

Согласно действующему законодательству, компании являются отдельными юридическими лицами, а ответственность их участников может быть ограниченной.⁵ То есть компания не отвечает по обязательствам своих участников и директоров, а участники, равно как и директор, — по обязательствам компании с ограниченной ответственностью.

Законодательные исключения из этого правила весьма немногочисленны. Так, закон о несостоятельности предусматривает некоторые случаи, когда директор компании или иное ответственное лицо может быть принужден судом сделать вклад в активы компании в качестве наказания за свои неправомерные действия.⁶

Помимо нормативных актов, важной частью английского права являются правила, устанавливаемые судебными прецедентами.

Содержание и происхождение доктрины

В частности, неcodифицированная доктрина «снятия корпоративной вуали» допускает принципиальную возможность возложения ответственности по обязательствам компании на контролирующее ее лицо. Возможна и обратная ситуация (*reverse piercing*), когда взыскание к физическому или юридическому лицу обращается на активы контролируемой им компании. Иногда бывает даже, что «снятия корпоративной вуали» требует сам акционер компании. Такое обычно случается, когда речь идет не об обязательствах, а о правах компании, которые акционер желает переоформить на себя.

«Снятие корпоративной вуали», по сути, означает, следующее: для целей рассматриваемого спора (и только для этих целей) суд признает, что компания не является отдельным от контролирующего ее лица субъектом права, то есть атрибутирует этому лицу обязательства и (или) права компании. Однако одного лишь факта контроля для этого недостаточно, «снятие корпоративной вуали» допускается только в некоторых исключительных обстоятельствах, которые обсуждаются ниже.

1 Joint Stock Companies Act 1844.

2 Limited Liability Act 1855.

3 Companies Act 1862.

4 Companies Act 2006.

5 Будылин С. Л. Новое корпоративное законодательство Великобритании: Companies Act 2006 // Современное право. 2009. №2. С. 102-107.

6 Insolvency Act 1986, §§ 212-214.

Пожалуй, впервые на высоком судебном уровне вопрос снятия корпоративной вуали обсуждался (хотя сам этот термин тогда и не применялся) в классическом деле *Salomon v A. Salomon & Co Ltd* от 1897 года.⁷ Мажоритарий владел 20001 акцией компании, в его жена и дети — еще шестью (по законодательству того времени в компании должно было быть не менее семи акционеров). Несмотря на то, что мажоритарный акционер полностью контролировал компанию (обувную фабрику), которая впоследствии обанкротилась, Палата Лордов, действуя в качестве суда последней инстанции, отказала ликвидатору компании в возложении на акционера ответственности по долгам компании. Суд в этом деле занял вполне формалистическую позицию, указав, что все требования закона в части создания компании с ограниченной ответственностью были выполнены, и суд не имеет права добавлять к ним каких-либо дополнительных требований.

Современное состояние вопроса

Обращаясь к более современным прецедентам, следует вспомнить дело *DHN Food Distributors v. Tower Hamlets London Borough Council*⁸ от 1976 года. Оно было не совсем обычным в том смысле, что в нем само лицо, контролирующее компанию, требовало «снятия корпоративной вуали». А именно, материнская компания желала встать на место контролируемой ею «дочки». В этом деле принудительному выкупу для государственных нужд подлежал земельный участок в Лондоне, формально находившийся в собственности компании, входившей в группу DHN – холдинга, который владел бакалейным магазином. Склад магазина DHN находился как раз на выкупаемом участке, и по договору с «дочкой» DHN пользовалась правом бессрочной аренды участка. Его изъятие приводило к прекращению бизнеса DHN, и та могла бы претендовать на возмещение убытков, если бы владела участком сама. Тогда DHN обратилась в суд за «снятием корпоративной вуали», ссылаясь на то, что она полностью контролировала свою дочернюю компанию. А именно, (1) она участвовала в капитале «дочки» на 100%, (2) директорами у них были одни и те же лица и (3) «дочка» использовалась холдингом исключительно для владения участком и не вела никакой самостоятельной деятельности. Суд согласился с доводами истца и «снял корпоративную вуаль», позволив DHN получить компенсацию за изъятие участка вместо дочерней компании.

Очень похожее дело, закончившееся, однако, прямо противоположным результатом – *Woolfson v Strathclyde Regional Council* от 1978 года.⁹ Коммерческая недвижимость в Глазго, где располагался магазин свадебных платьев, была принудительно выкуплена для государственных нужд (строительство шоссе). Поскольку дело было в Шотландии, суды первых инстанций были не английскими, а шотландскими, но последней инстанцией также стала Палата Лордов. Если бы суд признал, что недвижимость принадлежала тому же лицу, что вело розничный бизнес, этому лицу полагалась бы дополнительная компенсация «за лишение бизнеса». Однако истец, по-видимому, действительно контролировавший весь бизнес на выкупаемом участке, организовал владение активами слишком хитроумно: его доля в компании, на которую была оформлена часть недвижимости, составляла 50%, а доля в компании, ведущей бизнес — 99,9% (остальные акции принадлежали жене истца). Эти обстоятельства не позволили судам, следуя логике дела DHN (формальным прецедентом для судов Шотландии оно не является), поставить истца на место компаний, юридически

7 Судебный комитет Палаты Лордов. *Salomon v A Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22.

8 Апелляционный Суд Англии и Уэльса. *DHN Food Distributors Ltd. v. Tower Hamlets London Borough Council* [1976] 3 All E.R. 462.

9 Судебный комитет Палаты Лордов. *Woolfson v Strathclyde Regional Council* [1978] UKHL 5.

владевших недвижимостью и бизнесом. Палата Лордов отказалась удовлетворить жалобу истца, указав, что основанием для «снятия корпоративной вуали» является только использование компании в качестве «простого фасада для сокрытия истинных фактов», чего в данном случае не было.

В важном деле *Adams v Cape Industries*,¹⁰ рассмотренном Апелляционным Судом в 1990 году, решался, в частности, вопрос о «снятии корпоративной вуали» для юрисдикционных целей, то есть для целей определения компетентного суда. Британская компания продавала асбест в США (в период до 1970-х годов) через свои аффилированные корпорации в США. Впоследствии работники американской фабрики, которой компания продавала асбест, предъявили иск ряду ответчиков, включая британскую компанию, о возмещении вреда, причиненного здоровью истцов при работе с асбестом. Иск ценой в миллионы долларов был удовлетворен техасским судом. Однако английский суд отказался привести в исполнение это решение американского суда, сочтя, что британская компания, не ведущая деятельности в США, не попадает под юрисдикцию суда США, а основания для «снятия корпоративной вуали» (то есть для привлечения британской компании к ответственности по обязательствам американской «дочки») отсутствуют, поскольку аффилированная компания в США не являлась «просто фасадом» британской компании. Как отмечается в акте Апелляционного Суда, «суд не может отказаться от принципа [ограниченной ответственности] лишь потому, что, по его мнению, этого требуют интересы правосудия».

В этом же деле обсуждается возможность привлечения материнской компании к ответственности по обязательствам дочерней по несколько иным основаниям, а именно, когда дочерняя компания признана агентом материнской. Действительно, принципал несет ответственность по сделкам, заключенным в его интересах агентом. Однако для этого необходимо доказать фактическое наличие агентских отношений, чего, по заключению суда, в данном случае сделано не было. Контроль одной компании над другой еще не означает наличия агентских отношений между ними. Подчеркнем, что суд в этом деле разграничивает «снятие корпоративной вуали» и возложение ответственности на компанию, являющуюся принципалом в агентских отношениях. В последнем случае нет никакой необходимости лишения компании статуса отдельного юридического лица, то есть «корпоративная вуаль» остается на своем месте.

Обзор современного состояния доктрины «снятия корпоративной вуали» в Англии можно найти в довольно экзотическом деле Высокого Суда Англии и Уэльса *Hashem v Shayif* от 2008 года.¹¹ Речь шла о гражданине Саудовской Аравии и одной из его жен по законам шариата, а спор между ними шел о недвижимости в Англии. Хотя спор относился в основном к семейному праву, в деле обсуждаются также и вопросы корпоративного права. Дело в том, что семейная недвижимость была оформлена на юридическое лицо — компанию на острове Джерси. Вопрос был в том, может ли жена в связи с разводом потребовать передачи ей этой недвижимости, как если бы она принадлежала непосредственно мужу. Суд в конце концов счел, что не может. Помимо прочего, свою роль сыграло то, что мужу принадлежало лишь 30% акций компании, а 70% было оформлено на его детей.

10 Апелляционный Суд Англии и Уэльса. *Adams v Cape Industries plc* [1990] Ch 433.

11 Высокий Суд Англии и Уэльса. *Hashem v Shayif & Anor* [2008] EWHC 2380 (Fam).

Данное дело, в частности, подробно описывает основания применения доктрины «снятия корпоративной завесы». Судья Джеймс Манби сформулировал следующие положения прецедентного права, применимые к рассматриваемому делу.¹²

Владение и контроль не являются достаточными критериями для снятия корпоративной вуали.

Суд не может снять корпоративную вуаль лишь потому, что, по его мнению, это соответствует интересам правосудия.

Корпоративная вуаль может быть снята, только если имеет место недобросовестность (impropriety).

Самой по себе недобросовестности тоже недостаточно. Она должна быть связана с использованием корпоративной структуры для избежания или сокрытия ответственности.

Для снятия корпоративной вуали необходимо доказать и наличие контроля, и наличие недобросовестности, то есть использование компании как «фасада» для сокрытия правонарушения.

Таким образом, критерий снятия корпоративной вуали — являлась ли компания лишь «фасадом» для деятельности контролирующего ее лица. Являлась ли она таким «фасадом», определяется вышеперечисленными факторами.

Проблема перехода договорных обязательств

Дальнейшее развитие доктрина «снятия корпоративной вуали» получила в делах Antonio Gramsci v Stepanovs (2011 г.)¹³ и VTB v. Nutritek (2011-2013 гг.)¹⁴. По стечению обстоятельств, в обоих делах английским судам фактически пришлось разрешать споры между резидентами постсоветских государств (Латвии и России, соответственно).

При применении принципа «снятия корпоративной вуали» речь часто идет о переходе с компании на контролирующее ее лицо деликтной ответственности за то или иное правонарушение. В данных же делах решался вопрос о том, можно ли таким же образом перенести договорные обязательства. Традиционно английские суды весьма трепетно относятся к принципу «частного характера договора» (privity of contract), согласно которому ни у кого, кроме сторон договора, не возникает прав или обязанностей по этому договору. Может ли «частный характер договора» быть преодолен «снятием корпоративной вуали»? Суды в этих двух делах дали противоположные ответы на этот вопрос, и в конечном счете его пришлось решать в высшей судебной инстанции Великобритании.

Суть дела Antonio Gramsci v Stepanovs такова. Латвийский бизнесмен С., являясь одним из руководителей Латвийского морского пароходства, сдавал в аренду суда, управляемые возглавляемой им компанией, но не напрямую клиентам, а через контролируемые им и другими руководителями пароходства офшорные компании, на которых и аккумулировалась прибыль. Впоследствии Латвийское морское пароходство инициировало иск о взыскании недополученных доходов. Договор

12 *Ibid.* Para. 159-164.

13 Высокий Суд Англии и Уэльса. Antonio Gramsci Shipping Corp & Ors v Stepanovs [2011] EWHC 333 (Comm).

14 VTB Capital Plc v Nutritek International Corp & Ors [2011] EWHC 3107 (Ch) (Высокий Суд Англии и Уэльса); affirmed by [2012] EWCA Civ 808 (Апелляционный Суд Англии и Уэльса); affirmed by [2013] UKSC 5 (Верховный Суд Соединенного Королевства).

фрахта между судовладельцами и офшорными компаниями содержал пророгационную оговорку о рассмотрении споров судами Англии. Истец обратился в Высокий Суд с просьбой применить доктрину «снятия корпоративной вуали» и привлечь к ответственности не только офшорные компании, но и самого предпринимателя на солидарной основе, то есть фактически признать его стороной договора фрахта и в том числе содержащейся в нем пророгационной оговорки.

Судья Майкл Бертон определил, что «снятие корпоративной вуали» дает возможность признать физическое лицо ответственным по договорным обязательствам контролируемой им компании. По выражению судьи, жертва правонарушения может потребовать, чтобы «кукловод» был принужден к исполнению договора, заключенного его «марионеткой». В результате судья счел, что латвийский предприниматель является стороной договора, заключенного контролируемой им офшорной компанией и включающего пророгационную оговорку о решении споров в судах Англии. Соответственно, суд счел возможным рассмотреть иск к этому предпринимателю, хотя он лично никаких пророгационных соглашений не заключал.

Однако в деле *VTB v Nutritek*, уже ставшем несомненной классикой английского права, судья Ричард Арнольд пришел к совершенно иным выводам.

Банк *VTB Capital plc*, английская «дочка» российского банка ВТБ, выдал российскому ООО «Руссагропром» кредит на 225 млн. долларов для покупки российских молочных заводов. При этом сами заводы были переданы в залог банку. Продавцом заводов была офшорная компания *Nutritek International Corp.*, контролируемая российским предпринимателем М. Кредитный договор содержал пророгационную оговорку, согласно которой все споры по договору передавались на рассмотрение английских судов. Через год «Руссагропром» прекратил платежи по кредиту, и банк обратился в Высокий Суд. Банк потребовал, в частности, привлечь в качестве соответчиков российского предпринимателя и контролируемую им офшорную компанию («Нутритек»).

По утверждению банка, кредит был выдан им в результате обмана: во-первых, предприниматель скрыл от него тот факт, что на момент заключения договора он контролировал не только «Нутритек», но и, тайно, сам «Руссагропром», - то есть и продавца, и покупателя; во-вторых, банк был введен в заблуждение относительно стоимости приобретаемых молочных заводов, так как заключение аудиторской фирмы *Ernst & Young*, на которое полагался банк, было основано на ложных данных. Действительно, реализовав заложенные по договору молочные заводы, банк смог выручить менее 40 млн. долларов. Банк просил суд «снять корпоративную вуаль» и привлечь к ответственности по долгам «Руссагропрома» российского предпринимателя и контролируемые им офшорные компании.

Судья Арнольд в ответ жестко высказался в пользу принципа «частного характера договора», который не может быть поколеблен доктриной «снятия корпоративной вуали». В связи с этим судья отказался признать российского предпринимателя стороной договора, заключенного компанией, предположительно им контролируемой, и содержащейся в нем пророгационной оговорки. Соответственно, суд отказался рассматривать основанный на договоре иск к этому физическому лицу.

Оставался открытым вопрос о возможной деликтной ответственности предпринимателя. Судья Арнольд решил, что, поскольку основные (хотя и не все) события, связанные с предполагаемым деликтом, происходили в России, то и надлежащим местом рассмотрения деликтного иска является не английский, а российский суд.

Апелляционный Суд Англии и Уэльса утвердил это решение, а также признал не имеющим прецедентной силы (*overruled*) более раннее решение судьи Бертона в обсуждавшемся выше деле. Затем, в феврале 2013 года, решение было утверждено и Верховным Судом Соединенного Королевства (этот суд был создан в 2009, и ему были переданы полномочия Палаты Лордов как высшей судебной инстанции).

Помимо прочего, Верховный Суд отверг выдвинутый истцом тезис, что достаточным правовым основанием «снятия корпоративной вуали» является «злоупотребление корпоративной структурой» со стороны ответчика. Председатель Верховного Суда лорд Дэвид Нойбергер отметил, что хотя понятие злоупотребления правом (*abuse of rights*) и является общепризнанной концепцией во многих странах романо-германской системы права (*civil law systems*), английские суды такого понятия не используют, за исключением разве что некоторых случаев применения права ЕС, которому концепция злоупотребления правом тоже известна.¹⁵ Термин «злоупотребление корпоративной формой» нам еще встретится в последующих разделах; не исключено, что из зарубежных судебных решений он и был позаимствован представителями истца.

Верховный Суд также затронул, хотя и не разрешил, весьма интересный вопрос международного частного права (МЧП), а именно, о выборе права, применимого при «снятии корпоративной вуали». В данном деле английскому суду предлагалось «снять корпоративную вуаль» с российского юридического лица. Следовало ли суду при этом применять английское право (*lex fori*) или российское (*lex incorporationis*)? В последнем случае английскому суду пришлось бы прежде всего выяснить, допускает ли российское право «снятие корпоративной вуали» или нет. Увы, для целей рассматриваемого дела суд не счел необходимым решать этот вопрос. Интересующихся этой животрепещущей проблемой МЧП лорд Нойбергер отослал¹⁶ к статье сингапурского правоведа Чи Хо Тама.¹⁷

В ходе рассмотрения дела в Верховном Суде представитель ответчика Майкл Лазарус выдвинул, в качестве одного из альтернативных вариантов аргументации, несколько неожиданный тезис. По его мнению, доктрине «снятия корпоративной вуали» вообще нет места в английском праве. Нет ни одного прецедента на уровне Палаты Лордов или Верховного Суда, в котором основанием принятого решения была бы эта доктрина; те же решения нижестоящих судов, где эта доктрина когда-либо использовались, Верховному Суду следует, по мнению представителя ответчика, признать ошибочными.

Верховный Суд отказался последовать этому радикальному предложению. Впрочем, что весьма характерно, он также воздержался и от провозглашения ошибочности данного мнения. «Поскольку наш суд приветствует творческий подход к делу (*blue sky thinking*), я не критикую г-на Лазаруса за его всеохватную попытку убедить суд, что английское право вообще не признает принципиальной возможности снятия корпоративной вуали», - благодушно заметил в ответ на этот (весьма амбициозный довод) ответчика один из судей, лорд Николас Уилсон.¹⁸ Верховный Суд счел вполне достаточным установить, что если доктрина «снятия корпоративной вуали» в английском праве действует, то она не распространяется на договорные обязательства. То есть, формально говоря, окончательное решение вопроса о том, допустимо ли «снятие корпоративной вуали» в принципе, Верховный Суд оставил до будущих времен.

15 *VTB v Nutritek* [2013] UKSC 5. Para. 144.

16 *Ibid.* Para. 131.

17 *Tham Ch.H.* Piercing the corporate veil: searching for appropriate choice of law rules // *Lloyds Maritime and Commercial Law quarterly*. 2007. No. 1. P. 22-43.

18 *VTB v Nutritek* [2013] UKSC 5. Para. 158.

Отметим, что в Верховном Суде предметом серьезных дебатов стал вопрос о надлежащем месте рассмотрения деликтного иска английского банка к российскому предпринимателю. Каждый из пяти судей представил свое мнение по этому вопросу, причем голоса разделились как три к двум (то есть двое из судей считали, что английский суд должен был рассмотреть деликтный иск по существу). Вместе с тем вопрос о «снятии корпоративной вуали» для целей иска из договора был единодушно решен отрицательно. В результате правило о том, что «снятие корпоративной вуали» не может служить основанием для перехода договорных обязательств, можно считать твердо установленной нормой прецедентного права Англии.

Уголовно-правовой контекст

Выше мы обсуждали «снятие корпоративной вуали» лишь в контексте гражданского судопроизводства. Уголовные дела имеют свою специфику. В деле *R v Seager*¹⁹ от 2009 года (где спор шел о том, следует ли причислять весь доход компании к незаконному и подлежащему конфискации доходу ее директора, если последний управлял компанией вопреки судебному запрету) судья Апелляционного Суда Ричард Эйкенс сформулировал эту специфику следующим образом.

«В контексте уголовных дел суды определили по меньшей мере три ситуации, когда корпоративная вуаль может быть снята. Во-первых, если правонарушитель пытается скрыться за корпоративным фасадом, или вуалью, чтобы скрыть свое преступление и свои выгоды от него. Во-вторых, если правонарушитель совершает действия от имени компании, которые (при обязательном наличии вины) составляют уголовное правонарушение, ведущее к его осуждению; в этом случае корпоративная вуаль даже не снимается, а скорее бесцеремонно срывается. В-третьих, если сделка или коммерческие структуры представляют собой «схему», «прикрытие» или «притворство» ("device", "cloak" or "sham"), то есть попытку замаскировать истинную природу сделки или структуры с целью обмана третьих лиц или судов.»²⁰

Таким образом, можно сделать вывод, что в Великобритании «снятие корпоративной вуали» в гражданско-правовых спорах основано на критериях «владения и контроля» и «недобросовестности». На практике «снятие корпоративной вуали» — редкое исключение из правил, и некоторыми практикующими юристами даже высказывалось мнение о необходимости полного упразднения рассматриваемой доктрины. Так или иначе, почти во всех упомянутых выше ключевых прецедентах дело кончилось тем, что в применении этой доктрины было отказано.

США

В США «снятие корпоративной вуали» является одним из тех вопросов корпоративного права, которые наиболее часто становятся предметом рассмотрения судов, а по некоторым оценкам — даже абсолютным лидером в этом смысле.²¹

Необходимо иметь в виду, что в США и корпоративное, и договорное, и деликтное, и уголовное право относятся в основном к ведению отдельных штатов (лишь некоторые вопросы этих разделов права регулируются федеральным законодательством). Соответственно, говоря о доктрине «снятия корпоративной вуали» в США, следует уточнять, о каком именно штате идет речь. В идентичных ситуациях суды одного штата могут «снять корпоративную вуаль», а другого — нет. Вместе с тем варианты права различных штатов существенно влияют друг на друга, так что часто

19 Апелляционный Суд Англии и Уэльса. *R v Seager* [2009] EWCA Crim 1303.

20 *Ibid.* Para. 76 (внутренние ссылки и кавычки опущены).

21 *Thompson R.* Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study // *Cornell Law Review.* 1991. V. 76. P. 1036.

можно говорить об общих для всех штатов положениях. Следует также учитывать существование относительно независимой практики федеральных судов (т.н. «федеральное общее право»²²). Обобщенные положения положений прецедентного права различных штатов и федеральных судов можно найти, в частности, в так называемых «юридических энциклопедиях», например, в энциклопедии «Американская юриспруденция»²³.

Как и британская компания с ограниченной ответственностью (limited company), американская корпорация является отдельным юридическим лицом, и ее участники в обычных ситуациях не отвечают по обязательствам корпорации. Однако, как и в Англии, в США суды могут при определенных обстоятельствах «снимать корпоративную вуаль». Это относится не только к традиционным «корпорациям» (corporation), но и к появившимся гораздо позднее «компаниям с ограниченной ответственностью» (limited liability company, LLC)²⁴.

Первые варианты корпоративных законов штаты стали принимать еще в начале девятнадцатого века (Нью-Йорк — 1811 г.)²⁵. Однако близкие к современным законы, максимально облегчающие создание корпораций, появились лишь к концу девятнадцатого века (Нью-Джерси — 1896 г.)²⁶.

Содержание и происхождение доктрины

По видимому, первым американским судебным актом, в котором были более или менее отчетливо сформулированы основания «снятия корпоративной вуали» (хотя этот термин тогда еще широко не употреблялся) стало решение федерального окружного суда штата Висконсин в деле *US v. Milwaukee Refrigerator Transit Co.* от 1905 года²⁷. По словам окружного судьи Сэнборна, «корпорацию, по общему правилу и пока нет достаточных причин для обратного, следует рассматривать как [отдельное] юридическое лицо, но когда понятие юридического лица используется для для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия обмана, оправдания преступления, то право должно расценивать корпорацию как ассоциацию лиц». Иначе говоря, в перечисленных случаях корпорация лишается статуса отдельного субъекта права для целей рассматриваемого спора.

Сам термин «снятие корпоративной вуали» получил широкое распространение после публикации в журнале *Columbia Law Review* (1912 г.) озаглавленной именно таким образом статьи Мориса Уормсера²⁸. Автор статьи, практикующий юрист и правовед, впоследствии ставший знаменитым профессором права, выступал за «снятие корпоративной вуали» в тех случаях, когда корпорация является лишь «альтер эго» своих акционеров. «Это была та же самая стая вороватых волков, будь то в "корпоративном" платье бабушки Красной шапочки или в своей собственной мохнатой

22 См., например: Апелляционный Суд США по Пятому округу. *Subway Equipment Leasing Corp. v. Sims*, 994 F.2d 210, 218 (5th Cir. 2006). Note 11. Суд указывает на различия в формулировках стандарта снятия корпоративной вуали по праву штатов Делавэр и Коннектикут, но признает, что для целей рассматриваемого иска они «по существу, идентичны федеральному общему праву».

23 *American Jurisprudence*, Second Edition. Updated to 2013. WestLaw online edition. ("Am. Jur. 2d").

24 *Bishop C.G., Kleinberger D.S.* Limited Liability Companies: Tax and Business Law. Thomson, 2012. WestLaw online edition. § 6.03.

25 *Fred Freedland.* History of Holding Company Legislation in New York State: Some Doubts as to the "New Jersey First" Tradition // *Fordham Law Review*. 1955. Vol. 24. No. 3. P. 369, 371.

26 *Talbot L.E.* Critical Company Law. Abingdon, New York: 2008. P. 14-15.

27 Окружной суд Восточного округа Висконсина. *U.S. v. Milwaukee Refrigerator Transit Co.*, 142 F. 247 (E.D. Wis. 1905).

28 *Wormser M.* Piercing the Veil of Corporate Entity // *Columbia Law Review* 1912. Vol. 12. P. 496-

шкуре»,²⁹ - поясняет автор свою мысль применительно к одному судебному делу. Речь в том деле шла о банкротстве товарищества, и суд счел возможным удовлетворить требования пострадавших кредиторов товарищества за счет имущества корпорации, контролируемой участниками товарищества («вороватыми волками», по выражению американского правоведа). Впоследствии профессор Уормсер развил свои взгляды на эту тему в книге с характерным названием «Франкенштейн, инкорпорейтед».³⁰

Современное состояние вопроса

Мы не будем обсуждать положений писанных законов о лишении участников юридических лиц их привилегии ограниченной ответственности (отметим лишь, что возможность «снятия корпоративной вуали» явно упоминается в законах некоторых штатов о компаниях с ограниченной ответственностью — LLC),³¹ а сосредоточимся лишь на положениях прецедентного права.

Терминология и фразеология в разных судебных решениях может довольно существенно различаться. В одном из судебных актов Апелляционного Суда США по Пятому округу от 2006 года судья Риза Барксдейл предлагает следующий мини-обзор судебных подходов к проблеме. «Различные теории для снятия корпоративной вуали были созданы для отказа в признании существования отдельного юридического лица в ситуациях, когда этого требует справедливость: если владельцы злоупотребляют (misuse) корпоративной формой, или создали [корпорацию] для целей обмана или для совершения противозаконного деяния. Еще одно исключение [из принципа отдельной правосубъектности корпорации] возникает, если материнская компания полностью доминирует и контролирует дочернюю компанию, управляя ею как своим инструментом (conduit) или агентом. Доктрина альтер эго и снятие корпоративной вуали являются действительно исключительными доктринами, применяемыми лишь в тех случаях, когда должностные лица, директора или акционеры используют юридическое лицо как прикрытие для совершения обмана, ухода от личной ответственности, либо в других, действительно уникальных ситуациях.»³²

Уже из этой цитаты можно увидеть некоторые различия между английской и американской судебной практикой. Как видим, по крайней мере некоторые американские суды не имеют ничего против выражения «злоупотребление корпоративной формой». Кроме того, не все американские суды четко разграничивают «снятие корпоративной вуали» и переход ответственности в силу отношения «агент-принципал».

Описание современного состояния рассматриваемого вопроса можно найти в упоминавшейся выше энциклопедии «Американская юриспруденция», материалы которой используются в дальнейшем обсуждении.³³

Следует отметить, что доктрина «снятия корпоративной вуали» не является особым основанием иска. Скорее это — процессуальная мера, позволяющая привлечь нового ответчика в иске, имеющем свои собственные правовые основания (взыскание долга, возмещение вреда и т.д.).

518.

29 *Ibid.* P. 500.

30 *Wormser I.M.* *Frankenstein, incorporated.* N.Y.: 1931.

31 *Bishop C.G., Kleinberger D.S.* *Op. Cit.* §§ 6.03[2]-6.03[3]. См., например: *California Corporations Code.* § 17101(b).

32 Апелляционный Суд США по Пятому округу. *Subway Equipment Leasing Corp. v. Sims*, 994 F.2d 210, 217-218 (5th Cir. 2006) (внутренние ссылки и кавычки опущены).

33 18 *Am. Jur.* 2d *Corporations* § 47.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» принадлежит к так называемому «праву справедливости» (equity). И английское, и американское право разграничивают прецедентные принципы «справедливости», с одной стороны, и прецедентные положения «общего права» в узком смысле слова, с другой стороны. Хотя англосаксонскому праву и неизвестен термин «злоупотребление правом» (см. раздел о Великобритании), в некотором смысле все «право справедливости» является чрезвычайно разросшимся аналогом нормы континентальных кодексов, запрещающей злоупотребление правом (например, ст. 10 ГК РФ).³⁴ Ведь исторически «право справедливости» развивалось, начиная с пятнадцатого века, именно как средство преодоления несправедливости, к которой может привести буквальное применение положений «общего права».³⁵

Как и большинство принципов «права справедливости», основания «снятия корпоративной вуали» имеют во многом оценочный характер. В конечном счете, суд (при необходимости — с участием присяжных) по своему усмотрению определяет, выступала ли компания в качестве «альтер эго» («фасада», «инструмента») своего владельца или не выступала. Универсального правила здесь не существует, каждый случай разрешается в индивидуальном порядке, исходя из соображений справедливости.

Тем не менее судам необходимо понимание того, что именно подлежит доказыванию в подобных делах. Суды могут группировать подлежащие доказыванию обстоятельства в списки «элементов» (этот термин означает, что подлежит доказыванию каждый элемент) или в списки «факторов» (не обязательно доказывать все факторы, но следует учитывать их все в совокупности).

Так, в одном из судебных актов от 1997 года³⁶ Апелляционный Суд США по Второму округу приводит следующий список из двух элементов, подлежащих доказыванию для снятия «корпоративной вуали» по праву штата Нью-Йорк.³⁷

Владелец полностью доминировал (exercised complete domination) над корпорацией в отношении рассматриваемой сделки.

Это доминирование использовалось для обмана или правонарушения (fraud or wrong), которое причинило ущерб стороне, требующей «снятия вуали».

Эта формулировка известна как «двухкомпонентный тест» (two-prong test). Стоит подчеркнуть, что, как и в Англии, самого по себе «доминирования» еще недостаточно для «снятия корпоративной вуали». Подлежит доказыванию также факт неправомерного поведения, причинившего истцу вред.

В том же деле перечисляются факторы, совокупность которых может использоваться судами для установления факта «доминирования» (в свете права того же штата).³⁸

34 См.: *Lasok P. Abuse of Rights in EC Law – Origins and History. Paper presented at the Bar European Group Annual General Meeting in Ljubljana, Slovenia, June 2006. P. 3.* Доступно по адресу: <<http://www.monckton.com/docs/library/AbuseRightsJune06PL.pdf>>.

35 См., например: *Будылин С.Л. Исторические корни договорного права США // Международное публичное и частное право. 2009. № 4. С. 32 - 35.*

36 Апелляционный суд США по Второму округу. *American Fuel Corp. v. Utah Energy Development Co., Inc.*, 122 F.3d 130 (2d Cir. 1997).

37 Положение ранее формулировалось в следующем судебном акте: Апелляционный Суд штата Нью-Йорк. *Morris v. New York State Department of Taxation and Finance*, 82 N.Y.2d 135, 141 (1993).

38 Положение ранее формулировалось в следующем судебном акте: Апелляционный суд США

Соблюдаются ли корпоративные формальности.

Располагает ли корпорация достаточным капиталом.

Используются ли средства корпорации для личных, а не корпоративных целей.

В случае двух организаций, имеются ли пересечения в части владельцев, директоров, работников.

Используют ли две организации одно офисное пространство, адрес, номера телефонов.

Степень собственного коммерческого усмотрения, демонстрируемого подконтрольной корпорацией.

Совершаются ли сделки с подконтрольной корпорацией на принципах «вытянутой руки» (т.е. на тех же условиях, что и с независимыми контрагентами).

Является ли данная корпорация независимым центром прибыли.

Оплачивают ли другие лица долги подконтрольной корпорации.

Есть ли у корпорации имущество, которое используется контролирующим лицом, как если бы оно было его собственным.

Суды других штатов, а также федеральные суды, используют подобные, хотя и не обязательно тождественные, списки «элементов» и «факторов».³⁹

Примеры применения доктрины. Проблема перехода договорных обязательств

В качестве примеров применения доктрины «снятия корпоративной вуали» рассмотрим два любопытных дела, связанных с компаниями из постсоветских стран (в данном случае это Туркмения и Россия).

На основании доктрины «снятия корпоративной вуали» привлекались к ответственности не только физические и юридические лица, но и целые государства. В деле *Bridas v. Government of Turkmenistan*⁴⁰ суд «снял корпоративную вуаль» и возложил ответственность по долгам компании на контролировавшее ее правительство Туркменистана.

Дело заключалось в следующем. Аргентинская компания намеревалась осваивать нефтегазовые месторождения в Туркменистане, и для этой цели заключила соглашение о сотрудничестве с туркменской компанией, созданной и контролируемой государством. Соглашение содержало арбитражную оговорку и было подчинено праву Англии. Само правительство Туркменистана это соглашение не подписывало.

по Второму округу. *Wm. Passalacqua Builder, Inc. v. Resnick Developers South, Inc.*, 933 F.2d 131, 139 (2d Cir. 1991).

39 См., например: Апелляционный суд США по Девятому округу. *Hambleton Bros. Lumber Co. v. Balkin Enterprises, Inc.*, 397 F.3d 1217 (9th Cir. 2005) (три «элемента» по праву штата Орегон); Апелляционный суд Индианы. *Brant v. Krilich*, 835 N.E.2d 582 (Ind. Ct. App. 2005) (восемь «факторов» по праву штата Индиана).

40 Апелляционный суд США по Пятому округу. *Bridas S.A.P.I.C. v. Government of Turkmenistan*, 447 F.3d 411 (5th Cir. 2006).

Сотрудничество аргентинской и туркменской компаний оказалось недолгим: спустя два года после заключения соглашения туркменское правительство запретило аргентинской компании экспортировать сырье из Туркменистана, тем самым лишив смысла ее присутствие в стране. Аргентинская компания подала иск в международный коммерческий арбитраж против госкомпании и самого туркменского правительства. Арбитраж в Хьюстоне определил, что он компетентен рассмотреть этот иск, после чего удовлетворил иск, присудив истцу 495 млн. долларов. Затем споры переместились в федеральные суды США: истец требовал признания арбитражного решения, а ответчик — его аннулирования.

Аргентинская компания добивалась признания своего права судиться с правительством Туркменистана на основании договора, заключенного туркменской компанией, в силу доктрины «снятия корпоративной вуали». Признание правительства Туркменистана стороной арбитражного соглашения снимало также и вопрос о суверенном иммунитете Туркменистана.

Для решения вопроса о «снятии корпоративной вуали» Апелляционный суд по Пятому округу применил упомянутый выше «двухкомпонентный тест», но для установления наличия «доминирования» использовал свой собственный список из 21 фактора (включая несколько факторов, специфичных именно для государственных организаций).

Что касается первого элемента теста, суд признал наличие правонарушения, но указал, что, вопреки мнению нижестоящего суда, таким правонарушением следует считать не само введение запрета на экспорт сырья (на что правительство Туркменистана имело несомненное право), а последующие манипуляции с государственной компанией, направленные на избежание возмещения ею убытков аргентинскому партнеру. Действительно, к моменту арбитражного разбирательства заключавшая договор госкомпания была ликвидирована, а вместо нее в соглашение была введена другая, не имевшая существенных активов.

Что касается второго элемента, суд признал, что, вопреки мнению нижестоящего суда, если исходить из «реальных фактов, а не формальностей», то совокупность факторов доказывает «доминирование» правительства над госкомпанией. Одним из важнейших факторов стала недостаточная капитализация вновь созданной госкомпании, капитал которой составил всего около 17 тыс. долларов.

Отметим, что в данном деле речь шла о переходе *договорных* обязательств в результате «снятия корпоративной вуали». В отличие от английских судов, американский суд не увидел в этом ничего невозможного. Правда, председатель суда Эдит Джонс указала, что в подобных случаях стандарт для снятия корпоративной вуали должен быть «более жесткий» (more stringent), ведь истец добровольно заключал договор именно с госкомпанией, не потребовав при этом гарантий правительства. Однако насколько стандарт должен быть «более жестким», осталось неясным. Во всяком случае, суд отверг предложение ответчика считать обязательным доказывание именно «обмана», признав, что достаточно доказать наличие «обмана или несправедливости» (fraud or injustice) по отношению к истцу.

В результате «вуаль» была снята. Суд признал стороной по соглашению туркменское правительство, которое таким образом должно было выплатить аргентинской компании почти полмиллиарда долларов.

В другом деле, рассмотренным одним из федеральных окружных судов Нью-Йорка, спор шел о «снятии корпоративной вуали» с американской корпорации по требованию ее российского контрагента.⁴¹

В 1991-1992 годах некая малоизвестная нью-йоркская корпорация («IDTS») заключила ряд крупных договоров с российским государственным предприятием «Техностройэкспорт», через который в то время осуществлялись все экспортные операции «Норильского никеля», тоже тогда принадлежавшего государству.⁴² Согласно этим договорам, американская корпорация покупала у «Техностройэкспорта» цветные металлы, причем со значительной отсрочкой платежа. Американская корпорация продавала металл через своего торгового агента, швейцарское акционерное общество. В течение 1991-1993 годов американская корпорация получила таким образом около 300 млн. долларов. Однако с российским контрагентом она полностью не рассчиталась, оставшись должна ему около 200 млн. долларов. Задолженность была подтверждена решением Международного коммерческого арбитражного суда в Москве в 1995 году, а это решение, в свою очередь, было признано (confirmed) федеральным судом США в 1997 году. Однако, как нетрудно догадаться, платить американской корпорации оказалось нечем, да и вообще в том же 1997 году она была исключена из реестра за неуплату ежегодных сборов.

Тогда «Техностройэкспорт» потребовал «снятия корпоративной вуали» и привлечения к ответственности двух контролировавших корпорацию физических лиц.

Суд, решая это дело, использовал два «элемента» и десять «факторов» (по праву штата Нью-Йорк), приводившихся выше. При этом суд явно сослался на коллизионную норму штата Нью-Йорк, согласно которой «снятие корпоративной вуали» регулируется правом штата или страны (state), где организация инкорпорирована.⁴³ Заметим, что если бы подобное правило было применено в предыдущем рассмотренном нами деле, американскому суду, очевидно, пришлось бы решать вопрос, допустимо ли «снятие корпоративной вуали» по праву Туркменистана.

Что касается «доминирования», единственным акционером и директором корпорации была г-жа Дж., а президентом и единственным должностным лицом — г-жа Р. Свою деятельность корпорация вела из квартиры в Нью-Йорке, где жила президент Р. При этом корпорация не соблюдала предусмотренных законами Нью-Йорка корпоративных формальностей: не вела протоколов собраний, не подавала корпоративной отчетности, не вела полного бухгалтерского учета. Даже поступление на счет корпорации 300 млн. долларов не было отражено в ее бухгалтерии. Начальный капитал компании составил лишь 10 тыс. долл и впоследствии существенно не увеличивался. Наконец, лица, стоявшие за компанией, не стеснялись тратить корпоративные средства на личные нужды. Суд заключил, что владельцы компании пренебрегли корпоративной правовой самостоятельностью, используя корпорацию как «альтер эго». Элемент доминирования был доказан.

Суд далее признал, что ответчицы использовали свое доминирование над корпорацией для совершения «правонарушения» (wrong) против истца. Таким правонарушением стал «вывод акти-

41 Окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка. JSC Foreign Economic Association Technostroyexport v. International Development and Trade Services, Inc., 386 F.Supp.2d 461 (S.D.N.Y. 2005).

42 См., например: *Степенин М.* Никелевый монополист погряз в долгах // Коммерсантъ. 16.04.1996. №64 (1022). С. 14. Доступно по адресу: <<http://www.kommersant.ru/doc/131097>>.

43 Technostroyexport, 386 F.Supp.2d at 464. Note 1. Положение ранее формулировалось в следующем судебном акте: Апелляционный суд США по Второму округу. Fletcher v. Atex, Inc., 68 F.3d 1451, 1456 (2d Cir. 1995).

вов» из корпорации с целью избежания исполнения договорных обязательств и арбитражных решений. Суд отказался от предложения ответчиц признать обязательным доказывание совершения ими именно «обмана» (fraud). По словам судьи Джона Коэлтла: «По праву штата Нью-Йорк вывод фондов с целью защиты корпорации от судебных решений составляет правонарушение для целей определения того, должна ли корпоративная вуаль быть снята». Второй элемент тоже был доказан.

Сами ответчицы отказались давать показания насчет того, куда делись миллионы долларов, сославшись на конституционное право не свидетельствовать против себя. Судья согласился, но подчеркнул, что в гражданско-правовом споре ничто не мешает ему сделать неблагоприятные для ответчиц выводы из этого отказа.

В отчаянной попытке спасти проигранное дело ответчицы сделали неожиданный ход. Они сообщили суду, что российская компания-истец «принимала взятки» (accepted bribes) от американской корпорации. А именно, по словам ответчиц, крупные суммы выплачивались ими в пользу В., одного из руководителей «Техностройэкспорта» и Б., одного из руководителей «Норильского никеля». Одна из ответчиц даже жаловалась, что В. «стал богачом за ее счет, а сам теперь не выполняет своих обещаний».⁴⁴ По мнению ответчиц, факт «получения взятки» лишает истца права требовать «снятия корпоративной вуали» - в силу принципа «права справедливости», известного под названием «доктрина нечистых рук» (unclean hands doctrine). Согласно этой доктрине, сторона, проявившая недобросовестность, не может требовать судебной защиты по праву справедливости. Суд, однако, указал, что «доктрина нечистых рук» не применяется в делах о взыскании убытков, да и вообще вопрос о «взятках», якобы полученных истцом, не имеет отношения к вопросу о том, является ли американская корпорация «альтер эго» ответчиц, используемым ими в противоправных целях.

В результате «вуаль» была снята. Заметим, что и в этом деле результатом «снятия корпоративной вуали» стал переход *договорных* обязательств корпорации на контролирующих ее лиц.

Стоит отметить одно весьма практически важное обстоятельство. Несмотря на то, что все американские источники подчеркивают «редкий» и «исключительный» характер «снятия корпоративной вуали», в целом американские суды гораздо более склонны применять эту экстраординарную меру, чем суды Англии, отличающиеся большей степенью формализма.⁴⁵ В том числе американские суды применяют эту доктрину и в отношении договорных обязательств, чего избегают суды Англии.

Тем не менее можно сделать вывод, что в целом суды и Англии, и США применяют «снятие корпоративной вуали» по аналогичным основаниям. Как явствует из вышеизложенного, этими основаниями являются «доминирование» в совокупности с «обманом или правонарушением» или, на британском юридическом жаргоне, «владение и контроль» в совокупности с «недобросовестностью».

Германия

Роль судов в странах романо-германской системы права радикально отличается от роли судов в странах англосаксонской системы права. Основная функция судов континентально-европейских

⁴⁴ Technostroyexport, 386 F.Supp.2d at 477.

⁴⁵ Talbot L.E. Op. Cit. P. 13.

стран состоит в применении, но не в создании норм права. Законотворческая роль в этих странах по праву принадлежит их парламентам (представительным органам).

Конечно, не следует недооценивать значения судебной практики, которая одна способна «вдохнуть жизнь» в норму закона. Нередко эта практика восполняет пробелы в законодательстве или разрешает неопределенности в формулировках закона. В этом смысле можно сказать, что суды в странах континентальной Европы все же играют ограниченную правотворческую роль. Эта роль различается от страны к стране. Так, по словам Председателя ВАС РФ А.А. Иванова, «Верховный суд Австрии решает дела, а Верховный суд Финляндии сосредоточился на формировании прецедентов».⁴⁶ Так или иначе, обычно в странах континентальной Европы суды не склонны провозглашать абстрактные правовые «доктрины», явным образом предназначенные для последующего использования, как это делают англосаксонские суды.

В том числе это относится и к «снятию корпоративной вуали». В странах романо-германской системы права переход ответственности по обязательствам с организации на контролирующих ее лиц в тех или иных случаях может быть предусмотрен непосредственно нормами закона. В определенных ситуациях суды могут осуществлять такой перенос ответственности в порядке восполнения пробела в законе или пресечения злоупотребления правом. При рассмотрении уголовного или деликтного правонарушения ничто не мешает судам возложить ответственность на непосредственного виновника, даже если он действовал от имени юридического лица. Вместе с тем говорить о существовании в основных странах континентальной Европы самостоятельной судебной доктрины «снятия корпоративной вуали» в том понимании, как в Англии или США, было бы преувеличением.

Рассмотрим пример Германии. Там существуют определенные правовые возможности переноса ответственности по обязательствам юридического лица на его участников (Durchgriffshaftung). Такой перенос ответственности можно уподобить англосаксонскому «снятию корпоративной вуали». Однако, как мы увидим далее, в последние годы практика по этому вопросу развивалась в направлении отказа от неcodифицированных правил в пользу применения непосредственно норм закона, пусть даже не в самой очевидной интерпретации.

Как и в других континентально-европейских странах, законодательство Германии знает такие формы организаций с ограниченной ответственностью участников, как акционерное общество (Aktiengesellschaft, AG) и общество с ограниченной ответственностью (Gesellschaft mit beschränkter Haftung, GmbH). Первый вариант близкого к современному законодательства об акционерных обществах относится к 1870 году,⁴⁷ а в настоящее время действует Закон об акционерных обществах от 1965 года (с последующими изменениями).⁴⁸ Закон об обществах с ограниченной ответственностью от 1892 года остается в силе по сей день (тоже с последующими изменениями).⁴⁹

46 *Иванов А.А.* Речь о прецеденте // Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суда Российской Федерации 19 марта 2010 года. Доступно по адресу: <<http://arbitr.ru/press-centr/news/speeches/27369.html>>.

47 Franks J., Mayer C., Wagner H.F. The Origins of the German Corporation Finance Ownership, and Control // Review of Finance. 2006. Vol. 10. P. 537-585. § 2.1. Доступно по адресу: <http://www.hertig.ethz.ch/LE_2005-06_files/Papers/Mayer_German_Origins_Final_2005.pdf>.

48 Aktiengesetz vom 6. September 1965 (BGBl. I S. 1089), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 20. Dezember 2012 (BGBl. I S. 2751) geändert worden ist (“AktG”).

49 Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4123-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 2

Законодательные положения

Германское законодательство явно предусматривает, что в определенных ситуациях участники обществ могут быть лишены преимуществ ограниченной ответственности, а иногда ответственность может быть возложена и на менеджеров.⁵⁰

В частности, Закон об акционерных обществах предусматривает некоторые случаи ответственности участников обществ в при объединении обществ в группы (Konzern), в которых одно общество контролируется другим на основании договора подчинения (т.н. «договорная группа») или без такового (т.н. «группа де-факто»).

Закон устанавливает, что в «договорных группах» «доминирующее предприятие» (herrschende Unternehmen) должно ежегодно компенсировать подчиненному обществу (abhängige Gesellschaft) полученные последним убытки.⁵¹ Для «группы де-факто» правило сформулировано иначе: «доминирующее предприятие» не должно использовать свое влияние на подчиненное акционерное общество (abhängige Aktiengesellschaft) для принуждения совершения последним невыгодной для него сделки, либо должно предоставить подчиненному обществу соответствующую компенсацию.⁵² Если же доминирующее предприятие вынудило подчиненное акционерное общество совершить невыгодную сделку, а компенсации не предоставило, подчиненное общество может взыскать убытки с доминирующего предприятия или лично с его представителей, вынудивших общество совершить сделку.⁵³ Отметим, что закон предусматривает ответственность доминирующего предприятия перед самим подчиненным обществом, а не его кредиторами, так что о «снятии корпоративной вуали» в прямом смысле слова речи здесь не идет.

В отличие от более современного Закона об акционерных обществах, Закон об обществах с ограниченной ответственностью не содержит никаких положений о группах обществ. В качестве меры против «вывода активов» участником общества закон устанавливает, что участник не может получить назад свой вклад в капитал общества,⁵⁴ а если он все же получил средства из капитала общества, то обязан их вернуть.⁵⁵ Однако эти правила, конечно, не являются полноценным аналогом упомянутых выше положений Закона об акционерных обществах.

Возникает вопрос, если общество с ограниченной ответственностью не может расплатиться по своим долгам, есть ли у кредиторов правовая возможность получить долги с лиц, контролирующих общество?

Ранняя судебная практика

Судебная практика, сложившаяся к началу 1990-х годов, отвечала на этот вопрос положительно.⁵⁶ В ряде дел Верховный Суд Германии (Bundesgerichtshof, BGH) признавал лицо, контролирующее

Absatz 51 des Gesetzes vom 22. Dezember 2011 (BGBl. I S. 3044) geändert worden ist (“GmbHG”).

50 См., например: Casper M. Liability of the Managing Director and the Shareholder in the GmbH (Private Limited Company) in Crisis // German Law Journal. 2008. Vol. 9. No. 9. P. 1125-1140.

51 AktG § 302.

52 AktG § 311.

53 AktG § 317.

54 GmbHG § 30.

55 GmbHG § 31.

56 Григораш И.В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М.: 2007. С. 112, 118.

общество с ограниченной ответственностью, ответственным за убытки общества.⁵⁷ Основой этого вывода стало введенное самим судом понятие «специальной группы де-факто» (qualifizierter faktischer Konzern), в которой доминирующее предприятие оказывает «долгосрочное и всеобъемлющее воздействие» на подчиненное общество, а также применение к ООО положения статьи 302 Закона об АО (о компенсации доминирующим предприятием убытков подчиненного общества) по аналогии.

По меньшей мере в двух из таких дел был удовлетворен иск к физическому лицу, контролирующему общество (это физическое лицо суд счел «доминирующим предприятием» в смысле Закона об АО). При этом иск был подан не самим подчиненным обществом, а его кредитором.⁵⁸ Соответственно, речь идет о настоящем «снятии корпоративной вуали», хотя суд этот термин и не использует.

Изменение практики

Однако концепция «специальной группы де-факто» вызвала много критики за значительную неопределенность этого понятия. В начале 2000-х годов Верховный Суд, по существу, отбросил ее, заменив на новую концепцию ответственности за «разрушительное вмешательство» (existenzvernichtender Eingriff) контролирующего лица в дела общества.⁵⁹ При этом «разрушительным вмешательством» считаются действия участника, приведшее к лишению общества активов или бизнеса, в результате чего оно утрачивает возможность исполнять свои обязательства. Отметим, что изменению практики Верховного Суда предшествовала публикация фундаментальной статьи на эту тему председателя одной из коллегий (II. Zivilsenat) Верховного суда Фолькера Рерихта.⁶⁰

В двух своих решениях, известных под названиями «Bremer Vulkan» (2001 г.) и «KBV» (2002 г.), Верховный Суд сформулировал новый подход к рассматриваемой проблеме.

Дело «Bremer Vulkan» сводилось к следующему.⁶¹ Общество с ограниченной ответственностью (судоверфь в Висмаре), входящее в группу акционерного общества Bremer Vulkan AG, в 1994 году получило от государства средства на развитие в рамках инвестиций в восточные земли Германии. Вместо того, чтобы пойти на означенные цели, государственные деньги были распределены между другими компаниями группы - как предполагалось, на временной основе. Однако ввиду финансовых трудностей, возникших у группы, деньги судоверфь обратно так не получила. В результате верфь оказалась неплатежеспособной и была спасена лишь путем выделения из группы Bremer Vulkan и новых бюджетных вливаний. Само АО со столетней историей обанкротилось в 1997 году.

57 Верховный Суд Германии. BGH, 05.06.1975 - II ZR 23/74, BGHZ 65, 15 ("ITT"); BGH, 05.02.1979 - II ZR 210/7, NJW 1980, 231 ("Gervais/Danone"); BGH, 16.09.1985 - II ZR 275/84, BGHZ 95, 330 ("Autokran"); BGH, 20.02.1989 - II ZR 167/88, BGHZ 107, 7 ("Tiefbau"); BGH, 23.09.1991 - II ZR 135/90, BGHZ 115, 187 ("Video"); BGH, 29.03.1993 - II ZR 265/91, BGHZ 122, 123 ("TBB").

58 См. выше, дела "Video" и "TBB".

59 *Zhen Qu Ch., Ahl B.* Lowering the Corporate Veil in Germany: a case note on BGH 16 July 2007 (Trihotel) // Oxford University Comparative Law Forum. 2008. No. 4. <http://ouclf.iuscomp.org/articles/zhen_ahl.shtml>.

60 *Röhricht V.* Die GmbH im Spannungsfeld zwischen wirtschaftlicher Dispositionsfreiheit ihrer Gesellschafter und Gläubigerschutz // Festschrift 50 Jahre BGH (Hrsg. Geiß K. et al). 2000. S. 83. Цит. по: *Casper M.* Op. Cit. P. 1132. Note 32.

61 Верховный Суд Германии. BGH, 17.09.2001 - II ZR 178/99, BGHZ 149, 10 ("Bremer Vulkan").

Государственное ведомство подало иск против директоров АО, требуя от них возмещения ущерба.

Верховный Суд, анализируя возможные способы защиты прав пострадавшего кредитора, сформулировал, в частности, новый подход к ответственности контролирующего участника, основанный на доктрине «целостности капитала» и «права общества на длительное существование». Согласно этому подходу, контролирующий участник может быть принужден возместить долг, который общество понесло из-за его «разрушительного вмешательства» в ее активы. В связи с этим суд признал также принципиальную возможность ответственности директоров материнского общества за причиненный их действиями ущерб и направил дело на новое рассмотрение.

Дальнейшее развитие новая концепция получила в деле «KBV».⁶² Истец заключил с обществом с ограниченной ответственностью KBV GmbH (ответчик по делу) договор об оказании услуг. Услуги истец оказал, но оплаты от ответчика не получил. Ответчик, вместо того чтобы перечислить истцу причитающуюся ему сумму, заключил договор с некой третьей компанией, и перевел на нее значительную часть своих активов. В результате расплачиваться с истцом ответчику оказалось нечем. Сделка, которая привела ответчика к потере активов, была заключена от имени общества одним из двух его участников (действовавшим по доверенности) при согласии второго, являвшегося одновременно управляющим директором общества. Процедура банкротства в отношении ответчика не инициировалась ввиду отсутствия у последнего активов.

Истец предъявил иск к обоим участникам ООО. Суд поддержал его требования: он возложил на акционеров личную ответственность по долгам компании в связи с тем, что те фактически «разрушили» компанию, выведя ее активы.

Верховный Суд, как видим, отказался от весьма спорной идеи применения к обществам с ограниченной ответственностью Закона об АО «по аналогии». Согласно сформулированному судом новому подходу, контролирующий общество участник отвечает по долгам общества, если он совершил «разрушительное вмешательство» в дела общества (такое как «вывод активов»). Согласно суду, правовым основанием такой ответственности является «злоупотребление корпоративной формой» со стороны участника.

Концепция злоупотребления правом (Rechtsmissbrauch) в Германии основана на двух нормах Германского Гражданского уложения (ГГУ).⁶³ Одна из норм устанавливает обязанность участников гражданских правоотношений исполнять свои обязанности добросовестно (nach Treu und Glauben),⁶⁴ а другая — запрет использования ими своих прав исключительно с целью причинения вреда другому лицу (Schikaneverbot).⁶⁵

Последствием злоупотребления правом в рассматриваемом случае становится, по мысли Верховного Суда, лишение участника привилегии ограниченной ответственности. Это значит, что на участника возлагаются обязательства непосредственно перед кредиторами общества. Согласно Верховному Суду, эта ответственность участника возникает лишь в том случае, когда способность компании расплатиться по долгам не может быть восстановлена путем применения положений статей 30 и 31 Закона об ООО (о возврате участником средств, полученных из капитала общества).

⁶² Верховный Суд Германии. BGH, 24.06.2002 - II ZR 300/00, BGHZ 151, 181 ("KBV").

⁶³ Bürgerliches Gesetzbuch ("BGB").

⁶⁴ BGB § 242.

⁶⁵ BGB § 226.

Альтернативным основанием ответственности участника перед кредитором общества суд признал общую норму деликтного права Германии об ответственности за «умышленное причинение вреда противным добрым нравам образом» (in einer gegen die guten Sitten verstoßenden Weise).⁶⁶ Это именно тот всеобъемлющий «параграф 826» ГГУ, который классик российского правоведения Иосиф Покровский охарактеризовал (в 1917 году) как «король-параграф».⁶⁷

Современное состояние вопроса

Однако и этот подход Верховного суда подвергся критике. В частности, критики указывали на то, что возложение на участника обязательств общества по требованию лишь одного из кредиторов общества может ущемлять права других кредиторов (так, в случае последующего банкротства самого участника им может ничего не достаться). По мысли критиков, более правильным решением было бы взыскать средства с участника в пользу общества, в случае несостоятельности которого они вошли бы в конкурсную массу.

В деле от 2007 года, известном под названием «TriHotel», Верховный суд вновь подверг ревизии свои собственные выводы пятилетней давности.⁶⁸

Суть дела заключалась в следующем. У трех немецких ООО был общий директор. Он фактически контролировал эти три компании, однако в капитале лично не участвовал: акции компаний были распределены между его родственниками. Одно из трех обществ занималось отельным бизнесом, причем арендовало здание отеля у своего директора.

За пять месяцев до истечения срока договора аренды директор вдруг расторг его и сдал здание в аренду другому из возглавляемых им обществ. После этого дела первого общества пошло плохо: оно хотя и продолжило фактически управлять отелем, но делало это уже по агентскому соглашению со вторым обществом, которому и перечисляло основную часть дохода. Когда первому обществу стало нечем расплачиваться по своим обязательствам, мать директора предоставила ему некоторую сумму в виде займа под залог имущества.

Через какое-то время в отношении этого общества была начата процедура банкротства. Кредиторы, долги которых не были обеспечены так же надежно, как долг перед матерью директора, подали иски к директору. Они требовали, чтобы он лично погасил долги компании, так как неплатежеспособность компании была вызвана «разрушительным вмешательством» директора в ее дела. Прежде всего, директора упрекнули в досрочном расторжении договора аренды отеля. Кроме того, залог, переданный матери директора в обеспечение погашения долга, показался кредиторам неуместно большим.

Суды первых двух инстанций поддержали кредиторов и возложили на директора личную ответственность по долгам общества. Верховный суд, однако, отменил их решения и направил дело на новое рассмотрение, обстоятельно изложив свою позицию относительно обстоятельств, позволяющих привлекать контролирующих лиц к ответственности по долгам ООО.

Не отказываясь от идеи ответственности за «разрушительное вмешательство», суд существенно переосмыслил эту концепцию. Согласно новому подходу, «разрушительное вмешательство» больше не является самостоятельным основанием ответственности, а является лишь разновидно-

⁶⁶ BGB § 826.

⁶⁷ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: 1917. Гл. XVI. Доступно по адресу: <http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_33.html>.

стью деликта, предусмотренного статьей 826 ГГУ. В соответствии с этим, иск об ответственности за «разрушительное вмешательство» может быть предъявлен параллельно с иском о возврате средств в капитал общества (по статьям 30-31 Закона об ООО).

Основное же практическое отличие новейшего подхода состоит в том, что кредитор более не может предъявить иск непосредственно участнику, совершившему «разрушительное вмешательство». Вначале кредитору следует добиться удовлетворения своего иска к обществу, и лишь затем он может потребовать обращения взыскания на право требования общества к участнику последнего. Либо, в качестве альтернативы, кредитор может инициировать банкротство общества в расчете на взыскание средств с участника в пользу общества в ходе процедуры банкротства. В этом смысле Верховный Суд Германии отказался от практики «снятия корпоративной вуали» применительно к случаям «разрушительного вмешательства» участника в дела ООО.

Как определил Верховный суд в рассматриваемом судебном акте — вопреки, по-видимому, своей же предшествующей позиции, — «разрушительное вмешательство» в дела общества само по себе не является злоупотреблением корпоративной формой, и именно поэтому не влечет лишения участника привилегии ограниченной ответственности. Любопытно отметить, что суд не приводит подробного обоснования такой новой позиции, а вместо этого ссылается на статью известного немецкого правоведа Вольфганга Цельнера.⁶⁹

Профессор Цельнер в своей статье утверждает, что злоупотребление правовой формой имеет место лишь тогда, когда эта правовая форма используется для сокрытия определенных фактов.⁷⁰ (В связи с этим уместно вспомнить формулировку английских судов — несомненно, известную и немецкому правоведа, — которые допускают «снятие корпоративной вуали», когда компания является «фасадом для сокрытия истинных фактов», хотя английские суды и не используют при этом термина «злоупотребление правом».) В соответствии с этой логикой, простой «вывод активов», не связанный с сокрытием фактов, не является злоупотреблением корпоративной формой, и поэтому влечет иные правовые последствия.

Таким образом, можно сделать вывод, что, согласно новейшей позиции Верховного Суда Германии, возложение обязательств общества непосредственно на его доминирующего участника может применяться, только если последний «злоупотребляет корпоративной формой». Это злоупотребление может выражаться в использовании корпоративной формы для «сокрытия фактов». Простое «разрушительное вмешательство» доминирующего участника в дела подконтрольного общества основанием для «снятия корпоративной вуали» более не считается и влечет обязательства участника лишь перед самим обществом.

Впрочем, поскольку в ключевом судебном акте Верховный Суд отказал кредиторам в «снятии корпоративной вуали», сама допустимость и точные формулировки оснований такого снятия могут проясниться лишь в будущей судебной практике. Отметим, что лишение участника общества привилегии ограниченной ответственности обсуждалось Верховным судом лишь применительно к весьма узкому классу дел, относящихся к неплатежеспособным ООО. В целом можно сказать, что Верховный Суд демонстрирует все возрастающее нежелание применять «снятие корпоративной

68 Верховный Суд Германии. BGH, 16.07.2007 - II ZR 3/04, BGHZ 173, 246 ("TriHotel").

69 *Zöllner W. Gläubigerschutz durch Gesellschafterhaftung bei der GmbH // Festschrift für Horst Konzen zum siebzigsten Geburtstag* (Hrsg. Dauner-Lieb B. et al). Tübingen, 2006. S. 999. Цит. по: *Zhen Qu Ch., Ahl B. Op.cit. Note 49.*

70 *Ibid.* S. 1008.

вуали» как универсальную судебную доктрину, ограничиваясь вместо этого применением норм действующего законодательства, пусть даже в «творческой» интерпретации.

Джерси

Стоит вкратце упомянуть и о существовании других правовых систем, кроме романо-германской и англосаксонской. Помимо совершенно оригинального исламского права, которое мы здесь не рассматриваем, существуют так называемые смешанные или гибридные правовые системы, сочетающие элементы традиций различных правовых семей. В качестве примера можно привести Джерси.

Бейливик Джерси располагается на одноименном острове в проливе Ла-Манш и является «зависимой территорией» Великобритании, не будучи, однако, частью Соединенного Королевства. Его право представляет собой причудливую смесь римского права, средневекового обычного права Нормандии, англосаксонского общего права и современного французского права, дополненных, разумеется, нормативными актами, принимаемыми парламентом и правительством острова. При этом местный Закон о компаниях⁷¹ основан на британской модели, а, например, Закон о фондах⁷² следует скорее образцу Лихтенштейна.⁷³

Королевский Суд Джерси непрерывно действует с тринадцатого века (ввиду чего его считают старейшим судом в Европе). Апелляции рассматривает Апелляционный Суд, а высшей судебной инстанцией является Судебный комитет Тайного Совета Ее Величества, заседающий в Лондоне. Формальная прецедентная сила судебных решений на Джерси не признается. Решения английских судов (помимо Тайного Совета) не являются для Королевского Суда Джерси сколько-нибудь обязательными, но на практике Королевский Суд нередко следует решениям высших английских судов по многим вопросам.⁷⁴

Пример применения доктрины

Известна судам Джерси и доктрина «снятия корпоративной вуали». Так, в одном из недавних судебных процессов (2012 г.) рассматривался вопрос о «снятии корпоративной вуали» с джерсийского фонда для целей приведения в исполнение решения российского суда.⁷⁵

Этот процесс в суде Джерси является лишь эпизодом судебных сражений между сторонами в различных странах, включая Россию, Кипр и Британские Виргинские острова. Российский суд удовлетворил иск кипрской компании Dalemont Limited к российскому предпринимателю С. на сумму более 40 млн. долларов (долг возник из поручительства по невозвращенному кредиту, выданному российским банком). Однако, согласно истцу, вскоре после российского судебного решения практически все активы, имеющие отношение к предпринимателю, были переданы им в созданный на Джерси частный фонд. А именно, фонд получил акции компаний на Британских Виргин-

71 Companies (Jersey) Law 1991.

72 Foundations (Jersey) Law 2009.

73 См.: *Noseda F.* The Foundations (Jersey) Law 2009: a civilian perspective // *Jersey and Guernsey Law Review*. 2010. Vol. 14. No. 1. P. 48. Доступно по адресу: http://www.jerseylaw.je/Publications/jerseylawreview/feb10/JLR1002_Noseda.aspx.

74 *Le Sueur A. et al.* Jersey Legal System & Constitutional Law. St Helier: 2011. P. 21. Доступно по адресу: <http://www.lawinstitute.ac.je/downloads/2011.10.20%20Jersey%20Legal%20System%20-%20FINAL%20with%20ISBN.pdf>.

75 Королевский Суд Джерси. *Dalemont Limited v Senatorov* [2012]JRC014 (апелляция отклонена Апелляционным Судом Джерси: [2012]JCA028); [2012]JRC027; [2012]JRC044A;

ских островах (БВО), которые владели акциями компаний на Кипре, которые владели долями в капитале российских организаций, которые владели многочисленными объектами недвижимости в России. Если бы активы были оформлены на «обычную» офшорную компанию, суд мог бы обратиться за взысканием на ее акции, принадлежащие предпринимателю. Однако в частном фонде нет акций и акционеров, а есть лишь бенефициары, обратиться за взысканием на права которых как минимум затруднительно. Поэтому истец попросил Королевский Суд либо признать передачу активов в фонд недействительной, либо «снять корпоративную вуаль» с фонда, то есть признать активы фонда имуществом самого предпринимателя.

Представляет интерес анализ Королевским Судом Джерси некоторых вопросов, связанных с российским правом. Ответчик, в частности, настаивал, что суду не следует рассматривать иск, поскольку речь в конечном счете идет о споре о правах на российскую недвижимость, а такие споры находятся в исключительной компетенции российских судов. Суд отказался принять эту аргументацию. «Право собственности (title) на российскую недвижимость не будет затронуто приказом Королевского Суда, если иск будет удовлетворен. Право собственности на недвижимость по-прежнему будет принадлежать российским компаниям. Доли российских компаний по-прежнему будут принадлежать кипрским компаниям. Акции кипрских компаний по-прежнему будут принадлежать компаниям на БВО. Все, что изменится — это признание права собственности на акции одной или нескольких компаний на БВО», — пояснил свою позицию судья Уильям Белаш.⁷⁶

Любопытно, что в суде Джерси обе стороны утверждали, что в России обратиться за взысканием к ответчику на его (косвенные) права на российскую недвижимость будет невозможно, поскольку российское право не признает понятия «прав бенефициара» (beneficial interests). Однако практически в то же самое время в московском суде истец потребовал именно этого, то есть обращения за взысканием к физическому лицу на активы контролируемых последним компаний. Более того, истец преуспел в этом, так как Мещанский районный суд принял решение в пользу истца (подробнее см. следующий раздел). Судья, однако, отказался считать такие противоречия в позициях истца основанием для отказа от рассмотрения дела по существу.⁷⁷

Опубликованные судебные акты имеют лишь предварительный характер. В частности, решался вопрос о том, виновен ли российский предприниматель в неуважении к суду в силу того, что он не предоставил полной информации о российской недвижимости, которой косвенно (через цепочку компаний) владел фонд. Суд счел, что виновен. (Предприниматель уверял, что сам не имеет этой информации, но у судьи это заявление доверия не вызвало.)⁷⁸ Стоит пояснить, что требование о раскрытии информации было предъявлено судом в рамках всемирного запрета на отчуждение ответчиком его активов (Mareva injunction). Этот необычайно эффективный инструмент, неизвестный судам большинства стран романо-германского права, был позаимствован судьями Джерси у их английских коллег.⁷⁹

В судебных актах можно найти ряд красочных эпизодов, таких как сцена судебного допроса (по видеосвязи) директора кипрской компании К., из которого явствует, что директор — сама характеризующая себя как «номинального директора» — не только не имела понятия об активах компа-

[2012]JRC061A.

76 Dalemont Limited v Senatorov [2012]JRC044A. Para. 22.

77 *Ibid.* Para. 28.

78 Dalemont Limited v Senatorov [2012]JRC061A. Para. 18.

79 См.: Mareva Compania Naviera SA v International Bulkcarriers SA [1975] 2 Lloyd's Rep 509. В самой Великобритании правило было впоследствии кодифицировано: Supreme Court Act 1981, § 37(3); Civil Procedure Rules, Rule 25.1(1)(f); Practice Direction 25A, §§ 6.1-6.2.

нии, но и не знала содержания тех документов, которые она собственноручно подписывала для суда. «Я, честно говоря, не очень представляю, что было в моих affidavits», - с обезоруживающей откровенностью признается г-жа К.⁸⁰

Суд довольно неліцеприятно высказался в адрес джерсийской фирмы, осуществляющей администрирование джерсийского фонда, но оказавшейся неспособной получить информацию о его активах. Более того, суд критически отозвался и о самом Законе о фондах, не предоставляющем средств избежания подобной ситуации, и порекомендовал «соответствующим органам власти» срочно «пересмотреть структуру» этого закона.⁸¹

Ясно, что отсутствие должным образом функционирующих корпоративных органов может сыграть важную роль для решения вопроса о «снятии корпоративной вуали». Однако в силу предварительного характера опубликованных судебных актов окончательно этот вопрос в них решен не был.

Здесь мы лишь констатируем, что требование признать активы джерсийского фонда активами российского физического лица не встретило принципиального неприятия у суда Джерси. Таким образом, «снятие корпоративной вуали» возможно и на Джерси. Использует суд и сам термин «корпоративная вуаль», позаимствованный в Англии.

Россия

Россия принадлежит к романо-германской системе права, но роль российских судов несколько отличается от роли судов во многих других странах континентальной Европы. В настоящее время российские суды, в особенности арбитражные, выполняют довольно значительную правотворческую функцию.⁸²

Правотворческая роль судов

Прежде всего, пленумы высших судов (Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда) могут принимать обязательные для нижестоящих судов постановления по вопросам судебной практики. В таких постановлениях могут формулироваться «абстрактные правовые позиции» высшего суда. Эти «позиции» представляют собой правила, адресованные персонально не определенному кругу лиц и рассчитанные на многократное применение, то есть, по существу, правовые нормы судебного происхождения. «Правовые позиции» высших судов могут также формулироваться в их информационных письмах, обзорах судебной практики и т.п.

Кроме того, в системе арбитражного правосудия в последние годы все возрастающую роль играет судебный прецедент. Что немаловажно, эта роль не так давно была признана и на законодательном уровне. В 2010 году прецедентное значение - то есть правовое значение для разрешения

80 *Dalemont Limited v Senatorov* [2012]JRC061A. Para. 33.

81 *Ibid.* Para. 42.

82 *Будылин С. Л.* Что творит суд? Правотворчество судов и судебный прецедент в России // Закон. 2012. № 10. С. 92 - 110.

других дел - постановлений Президиума ВАС РФ по конкретным делам было закреплено в Арбитражном процессуальном кодексе.⁸³

Стоит упомянуть и о прецедентном значении для всех российских судов решений Конституционного Суда РФ,⁸⁴ а также Европейского суда по правам человека.⁸⁵

По мнению Председателя ВАС РФ А.А. Иванова, «с точки зрения дихотомии "прецедент - не прецедент"» российская судебная система «находится где-то посередине, причем довольно давно». «Окончательный переход к прецедентной системе - это правильное направление движения, потому что в такой системе много серьезных достоинств», - полагает Председатель ВАС. При этом, как отмечает А.А. Иванов, в отличие от Высшего Арбитражного Суда, активно работающего над развитием прецедентного права, «Верховный Суд ... фактически работает по прежней континентальной модели, с добавлением постановлений Пленумов».⁸⁶

Возможно, наиболее ярким примером правотворчества российской судебной системы является теория «необоснованной налоговой выгоды», сформулированная Пленумом ВАС РФ в 2006 году.⁸⁷ Как мы увидим далее, эта теория имеет некоторое отношение к теме настоящей статьи.

Суть сформулированного Пленумом правила заключается в следующем: если полученная налогоплательщиком «налоговая выгода» признана необоснованной, основанием для чего служит отсутствие у операций налогоплательщика «целей делового характера», то налогоплательщику следует отказать в удовлетворении требований, связанных с ее получением, иначе говоря, исчислить налоги без учета этой выгоды. (Обозначенные кавычками термины подробно разъясняются в самом постановлении.)

Очевидно, что это - общеобязательное правило исчисления налогов, рассчитанное на многократное применение. Однако в налоговом законодательстве нет ни следа ни самой этой теории, ни даже используемой в ней терминологии. Таким образом, перед нами правовая норма (или скорее целый комплекс правовых норм) судебного происхождения, причем весьма активно применяемая в судебной практике.

С точки зрения истории российского права, теория «необоснованной налоговой выгоды» является усовершенствованием другой неcodифицированной правовой теории, выработанной ранее арбитражными судами при участии Конституционного Суда РФ. Речь идет о теории «недобросовестного налогоплательщика», согласно которой признание налогоплательщика «недобросовестным» влечет возможность пересмотра налоговых последствий его сделок на усмотрение суда.⁸⁸

83 П. 3 ч. 4 ст. 170; п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ.

84 Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4

85 См., например: Будылин С., Иванец Ю., Леонова О. Как использовать решения Европейского суда в российских налоговых спорах // Практическое налоговое планирование. 2012. № 4. С. 80-85.

86 Иванов А.А. Речь о прецеденте // Выступление Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 года. Доступно по адресу: <<http://arbitr.ru/press-centr/news/speeches/27369.html>>.

87 Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

88 Будылин С.Л. Оптимизация или уклонение? Конституционные основы налогового

С точки же зрения сравнительного правоведения, теория «необоснованной налоговой выгоды» является вариантом хорошо известной в странах англосаксонской семьи права доктрины «деловой цели», в соответствии с которой любые конструкции, не имеющие деловой цели, помимо уменьшения налога, игнорируются для целей налогообложения.⁸⁹

Доктрина «деловой цели» находится в родстве с доктриной «снятия корпоративной вуали», хотя одна из них принадлежит к налоговому праву, а другая — к корпоративному. Действительно, применение доктрины «деловой цели» нередко сводится к тому, что существование созданных для избежания налогообложения юридических лиц игнорируется, а их доход (или иная налоговая база) для целей исчисления налогов атрибутируется непосредственно контролирующим их организациям или физическим лицам. С другой стороны, «снятие корпоративной вуали» в гражданско-правовых спорах нередко обосновывается в терминах отсутствия у корпорации собственной деловой цели, отдельной от деловых целей контролирующих ее лиц.⁹⁰

Отметим, кстати, что один из ключевых американских прецедентов в области «снятия корпоративной вуали», в котором впервые был явно сформулирован обсуждавшийся в разделе о США «двухкомпонентный тест», был посвящен именно вопросам налогообложения. При этом налоговый орган рассматривал «снятие корпоративной вуали» по праву штата Нью-Йорк и применение «доктрины деловой цели», сформулированной в федеральной налоговой судебной практике, как альтернативные методы достижения одного и того же результата, а именно признания, для целей налогообложения, операций корпорации операциями контролирующего ее лица. Речь шла о налоге на приобретение судна, которое президент корпорации якобы использовал в своих собственных целях; суд, однако, в конечном счете отказал налоговому органу в его требованиях.⁹¹

Что касается России, на момент написания настоящей статьи доктрина «снятия корпоративной вуали», в отличие от доктрины «деловой цели», не сформулирована явно ни законодателем, ни высшими судами. Тем не менее, как мы увидим, наблюдаются некоторые случаи ее фактического применения судебной системой.

Законодательные положения

Однако прежде чем рассматривать правила, сформулированные судами, отметим, что и законодательство России предусматривает несколько случаев, когда участники общества, по существу, лишаются своей привилегии ограниченной ответственности.

Во-первых, если основное общество имеет право давать дочернему обязательные для него указания, то оно отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний. Во-вторых, в случае несостоятельности (банкротства) дочернего

планирования // Российская юстиция. 2006. № 10. С. 48 – 51; Будылин С.Л. Добросовестный или недобросовестный? Конституционные основы налогового планирования - новейшие тенденции // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 36 – 42.

89 Будылин С.Л. Обоснованна ли налоговая выгода? Доктрина деловой цели в налоговом праве России и зарубежных стран // Закон. 2008. N 8. С. 197 – 204.

90 См., например: Апелляционный суд США по Восьмому округу. НОК Sport, Inc. v. FC Des Moines, L.C., 495 F.3d 927, 935 (8th Cir. 2007) (по праву штата Айова, снятие корпоративной вуали допускается, если корпорация является лишь оболочкой, не преследующей какой-либо законной деловой цели, и используется как основное или промежуточное средство для совершения обмана или несправедливости).

91 Morris v. New York State Department of Taxation and Finance, 82 N.Y.2d 135, 141 (1993).

общества по вине основного общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам. Кроме того, участники дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных по его вине дочернему обществу.⁹² Законодательство о банкротстве также предусматривает некоторые случаи привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника его руководителей или контролирующих должника лиц.⁹³

Кроме того, говоря об ответственности контролирующих организацию лиц (отличных от ее участников), стоит напомнить, что руководители общества несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием).⁹⁴

Из всех этих норм лишь одна (первая из упомянутых) предусматривает прямую ответственность контролирующего общества лица перед кредиторами общества вне рамок процесса банкротства. При этом, как уточняется в Законе об АО (но не в Законе об ООО), упомянутое в норме «право давать обязательные указания» дочернему обществу непременно должно быть предусмотрено в договоре с дочерним обществом или уставе дочернего общества.⁹⁵ В реальной жизни, однако, такого практически никогда не бывает (как, кстати, и в Германии, откуда, видимо, законодатель и позаимствовал идею «договора подчинения» и «договорной группы компаний», см. выше).

В остальных случаях о «снятии корпоративной вуали» в точном смысле слова речи не идет.

Отметим, что специальная статья об ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо, по обязательствам последнего (в определенных статье случаях) присутствовала в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ,⁹⁶ рассматриваемого в настоящее время Госдумой, но была исключена из него при подготовке ко второму чтению.⁹⁷ Похоже, что на активные действия законодателя в этом направлении рассчитывать более не приходится.

В качестве весьма впечатляющего примера применения одной из упомянутых норм закона приведем историю с взысканием Арбитражным судом Тюменской области 100 млрд. рублей с британского нефтяного гиганта BP.

Миноритарный акционер ОАО «ТНК-ВР Холдинг» П., владеющий около 0,00001% акций общества, предъявил иск британской компании BP р.л.с., через цепочку компаний владевшую 47,5% акций общества (вторым крупным акционером был концерн российских акционеров ААР, который владел такой же долей капитала, как и BP). По мнению миноритария, по вине британской компании ее дочернему обществу «ТНК-ВР» были причинены убытки, которые британская компания должна возместить. Суть претензий заключалась в следующем.

92 П.п. 2-3 ст. 105 ГК РФ; п. 3. ст. 6 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» («Закон об АО»); п. 3. ст. 6 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» («Закон об ООО»).

93 П. 3 ст. 56 ГК РФ; Ст. 10 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О несостоятельности (банкротстве)».

94 П. 2 ст. 71 Закона об АО; п. 2 ст. 44 Закона об ООО.

95 П. 3 ст. 6 Закона об АО.

96 Ст. 53.4 ГК РФ в редакции Проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», опубликованного 08.04.2012 на сайте «Российской газеты». Доступно по адресу: <<http://www.rg.ru/2012/04/06/gk-popravki-site-dok.html>>.

97 *Распутин М.* Вуаль решили не снимать. Опубликована новая редакция проекта Гражданского кодекса // Российская Бизнес-газета: Новое законодательство. 25.09.2012. С. 11. Доступно по

В 2011 году компания BP договорилась с «Роснефтью» о «стратегическом партнерстве» для освоения нефтеносных участков в Карском море. Концерн AAR немедленно заявил, что эта договоренность противоречит соглашению акционеров между BP и AAR в отношении «ТНК-ВР», а потому потребовал замены BP на «ТНК-ВР» в договоре о «стратегическом партнерстве» с «Роснефтью», как это и предусматривалось соглашением акционеров (заключенным, к слову, между иностранными юридическими лицами и подчиненным английскому праву). Однако при обсуждении вопроса на совете директоров «ТНК-ВР» директора от BP проголосовали против такой замены, тем самым заблокировав эту возможность. Возможность, правда, была скорее теоретической, ведь для ее реализации необходимо было бы получить еще и согласие «Роснефти» на такую замену. Однако, по мнению истца, эти действия BP причинили «ТНК-ВР» ущерб в миллиарды долларов (сумма иска неоднократно изменялась), который должен быть возмещен британской компанией.

При первом рассмотрении дела (2011 г.) арбитражный суд счел недоказанным, что британская компания является «основным обществом» по отношению к «ТНК-ВР» и имеет возможность определять его решения. Однако суд кассационной инстанции (2012 г.) подчеркнул, что закон⁹⁸ не требует непременно прямого участия в капитале для признания общества «основным».⁹⁹ Согласно позиции Пленума ВАС РФ, «взаимоотношения двух хозяйственных обществ могут рассматриваться как взаимоотношения основного и дочернего общества, в том числе и применительно к отдельной конкретной сделке, в случаях, когда основное общество... имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом, либо давать обязательные для него указания».¹⁰⁰ Дело было направлено на новое рассмотрение.

При повторном рассмотрении дела (2012 г.) суд первой инстанции признал, что британская компания «путем опосредованного, через цепочку подконтрольных юридических лиц, [владения] имела и имеет возможность через назначаемых со стороны BP четырех членов Совета директоров, влиять решения принимаемые органами управления ОАО "ТНК-ВР Холдинг", в том числе, путем голосования "против" принятия определенных решений». Соответственно, наличие отношения «дочернее общество — основное общество» было доказано. (Отметим, что речь о «доминировании» британской компании над российским обществом здесь идти не могла, ведь у российского участника были точно такие же права.)

Однако оставался вопрос о том, насколько реальными были предполагаемые потери «ТНК-ВР» от действий британской компании. Сама «Роснефть» уверяла, что «ТНК-ВР никогда не рассматривалась в качестве возможного участника альянса из-за отсутствия требуемой компетенции». Кстати, после вынужденного выхода BP из «стратегического партнерства», «Роснефть» заключила аналогичный альянс с ExxonMobil. Несмотря на это, судья Владимир Лоскутов заявил, что «в материалы дела не представлено доказательств того, что ОАО "ТНК-ВР Холдинг" не могло участвовать в Стратегическом партнерстве с ОАО "Нефтяная компания "Роснефть" ни при каких условиях».

адресу: <<http://www.rg.ru/2012/09/25/kodeks.html>>.

98 П. 1 ст. 105 ГК РФ.

99 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.06.2012 по делу N А70-7811/2011.

100 П. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В результате суд исчислил убытки, исходя из предположения, что причиной неучастия «ТНК-ВР» в выгодном альянсе с «Роснефтью» стали именно действия британской компании, и взыскал с ВР около 100 млрд. рублей в пользу «ТНК-ВР».¹⁰¹

Неожиданно истец П., выигравший дело в первой инстанции, в ходе рассмотрения дела в апелляционной инстанции (2013 г.) отказался от своего иска.¹⁰² Несомненно, это стало результатом неких внесудебных договоренностей заинтересованных сторон. Не менее неожиданно «Роснефть» подала кассационную жалобу на постановление апелляционного суда о принятии отказа от иска. Возможно, это объясняется тем, что «Роснефть» незадолго до этого договорилась о приобретении «ТНК-ВР» у ее нынешних владельцев,¹⁰³ так что теперь у «Роснефти» есть прямая заинтересованность в удовлетворении иска миноритария «ТНК-ВР». Рассмотрение кассационной жалобы намечено на апрель 2013 года.¹⁰⁴

Что касается решения судьи Лоскутова, оно представляется как минимум крайне спорным в части оценки реальности причиненного британской компанией ущерба, учитывая явное нежелание «Роснефти» вступать в «стратегическое партнерство» с какой-либо российской компанией.

Вместе с тем сама идея защиты миноритариев российских акционерных обществ от произвола контролирующих акционеров и руководства обществ заслуживает всяческого одобрения. В последнее время эта область российского права находится в состоянии активного развития, прежде всего за счет прецедентных дел Президиума ВАС.¹⁰⁵

Подчеркнем, что в этом деле применялись именно нормы закона, а не какие-либо судебные доктрины. При этом речь шла лишь об ответственности основного общества перед дочерним, а не перед кредиторами последнего.

«Снятие корпоративной вуали» в судебной практике

Далее мы сосредоточимся не на практике применения упомянутых выше норм закона, а именно на «снятии корпоративной вуали» как судебной доктрине. Президиум ВАС РФ впервые применил это доктрину в 2012 году в деле банка «Парекс».¹⁰⁶

Parex Banka – латвийский банк, в свое время хорошо известный в России. В 2008 году банк обанкротился и был национализирован правительством Латвии. Затем он был реорганизован с обра-

101 Решение Арбитражного суда Тюменской области от 27.07.2012 по делу № А70-7811/2011.

102 Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2013 по делу № А70-7811/201.

103 Панин Г. Нефтяники договорились по ТНК-ВР // Российская газета. 22.10.2012. Доступно по адресу: <<http://www.rg.ru/2012/10/22/vikup-site.html>>.

104 Определение ФАС Западно-Сибирского округа от 15.02.2013 о принятии кассационной жалобы по делу № А70-7811/201.

105 Будылин С.Л. Разум и добрая совесть. Обязанности директора в США, Великобритании, России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 2. С. 10-40.

106 Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184.

зованием двух компаний, Parex Banka и Citadele Banka, причем к первой перешли в основном проблемные активы, а ко второй — ликвидные.¹⁰⁷

Одним из кредиторов Parex Banka оказалось российское ООО «Олимпия», получившее право требования по банковским депозитам на 11 млн лат от латвийского гражданина К., бывшего совладельца Parex Banka. Не надеясь, видимо, получить деньги от Parex Banka, кредитор решил привлечь к солидарной ответственности и новообразованный Citadele Banka.

Оба ответчика располагались в Латвии, однако истец предпочел обратиться в российский арбитражный суд. Обосновывая подачу иска в России, истец сослался на положение российского процессуального законодательства, позволяющее судам рассматривать дела с участием иностранных лиц в тех случаях, когда либо сам ответчик, либо его имущество находятся в России.¹⁰⁸

Истец пытался доказать оба эти обстоятельства, то есть присутствие в России и самих ответчиков, и их имущества.

Доказывая присутствие в России ответчиков, истец указывал на то, фактически они осуществляли здесь деятельность через представительства латвийских компаний Citadele Asset Management и Parex Asset Management. На коммерческих документах, в рекламной продукции, в интернет-ресурсах российские адреса этих представительств фигурировали как адреса представительств самих банков-ответчиков. В этих представительствах было возможно открывать счета и проводить другие сопутствующие операции без прямого контакта с головными офисами банков в Риге. Таким образом, у потребителей банковских услуг в России сформировалось представление о том, что два представительства (в Москве и Санкт-Петербурге), указанные на официальных сайтах банков среди прочих представительств банков в иностранных государствах, являются легальными их представительствами в России.

Доказывая наличие у ответчиков имущества в России, истец указывал на то, что здесь у них имеются права требования к клиентам, не исполнившим перед ним свои обязательства.

Ответчики возражали, что официальных представительств или филиалов у них в России нет, и что находящееся здесь имущество не является предметом спора, и потому данное дело неподсудно российским судам и производство по нему следует прекратить.

Суды первой и апелляционной инстанций отклонили доводы истца. Однако ФАС Московского округа, рассмотрев дело в кассационной инстанции, счел выводы нижестоящих судов неверными и отменил их решения, направив дело на новое рассмотрение. После этого дело дошло до ВАС РФ, который принял дело к пересмотру в порядке надзора.

Прежде всего Президиум проанализировал правовые основания для возможной компетенции российских судов в рассмотрении данного спора. Он отметил, что, помимо норм, предусмотренных непосредственно АПК, правила судопроизводства могут устанавливаться международными договорами России, при этом нормы международного договора имеют приоритет.¹⁰⁹ Как следует из российско-латвийского договора о правовой помощи, российские суды компетентны рассматри-

107 *Занина А и др.* Parex Banka остался на неофициальном положении // Коммерсантъ. 25.04.2012. № 74 (4859). С. 9. Доступно по адресу: <<http://www.kommersant.ru/doc/1923344>>.

108 П. 1 ч. 1 ст. 247 АПК РФ.

109 Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ; ч. 3 ст. 3 АПК РФ.

вать дела по искам к латвийским компаниям, если на территории России находится «орган управления, представительство либо филиал» такой компании.¹¹⁰

Президиум согласился с тем, что ни представительств, ни филиалов банков-ответчиков в российских реестрах не значится. Однако фактически ответчики осуществляли банковскую деятельность в России через (по выражению Президиума) «организованные представительства, функционирующие от их имени». Эти представительства формально являлись представительствами третьих лиц - латвийских компаний Citadele Asset Management и Parex Asset Management. Такая структура, по мнению Президиума, была создана банками для обхода законодательства России о банковском контроле. Президиум заключил, что предпринимательскую деятельность на территории России осуществляют именно ответчики, используя аффилированных лиц. Таким образом, факт наличия у ответчиков «представительств» на территории России для целей определения компетентного суда Президиум счел доказанным.

Именно в этот момент Президиум единственный раз, да и то в скобках, упоминает доктрину «срывания корпоративной вуали».¹¹¹ То есть, по-видимому, речь идет о том, что существование аффилированных лиц для целей данного спора игнорируется, а субъектами деятельности в России признаются сами латвийские банки.

Для обоснования своей позиции Президиум сослался на «современную международную практику». Он процитировал решение Европейского Суда справедливости¹¹² от 1987 года,¹¹³ в котором этот суд признал, что для целей определения компетентного суда по международному договору (Брюссельской конвенции от 1968 года)¹¹⁴ представительством зарубежной компании может быть признана и независимая компания, через которую зарубежная компания ведет деятельность. А именно, представительство считается существующим даже в том случае, если юридическое лицо не имеет собственного юридически оформленного подразделения на территории иностранного государства, но, тем не менее, ведет деятельность на данной территории через независимую компанию со сходным наименованием, которая заключает сделки от своего имени и фактически выступает в качестве подразделения этого юридического лица. Отметим, что в этом решении Европейского Суда термин «корпоративная вуаль» не упоминается.

Однако на этом правовой анализ ситуации Президиумом не закончился. Возвращаясь к обстоятельствам дела, Президиум указал, что, несмотря на установленный факт наличия в России представительств ответчиков, необходимо учесть, что те депозитные договоры, по которым истец

110 П. 1 ст. 21 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и (подписан в г. Риге 03.02.1993).

111 Именно этим вариантом термина пользуется Президиум, в отличие от коллегии судей ВАС, передавшей дело на его рассмотрение, которая предпочла вариант «поднятие корпоративной вуали».

112 Президиум именуется этот судебный орган «Суд справедливости Европейского союза (г. Люксембург)». Однако поскольку в момент принятия цитируемых решений Европейского союза еще не существовало, мы используем другой, тоже широко распространенный, вариант наименования этого суда: «Европейский Суд справедливости» или просто «Европейский Суд».

113 Европейский Суд справедливости. Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 9 December 1987. SAR Schotte GmbH v Parfums Rothschild SARL. Case 218/86 // European Court reports. 1987. P. 4905.

114 EC Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters, Brussels 1968 (в настоящее время конвенция в основной части утратила силу).

предъявил иск о взыскании, заключены не «через представительство» в России, а «с материнским банком» в Риге. Российское представительство в сделке никак не участвовало. Данное обстоятельство, по мнению Президиума, исключило возможность применения упомянутого положения российско-латвийского договора о правовой помощи.

Этот вывод Президиум сопроводил ссылкой на еще один прецедент Европейского Суда справедливости, от 1981 года.¹¹⁵ В этом деле Европейский Суд признал, что независимый коммерческий агент, просто передающий «материнской» компании заказы клиентов, не является представительством для целей упомянутой Брюссельской конвенции. (Представляется, что отношение этого правила к делу банка «Парекс» как минимум не является очевидным.)

Согласно Президиуму, из сказанного следует, что - поскольку иски по делу не являются предметом исключительной компетенции арбитражных судов РФ, и между сторонами спора отсутствует пророгационное соглашение - компетентный суд должен определяться на основании «общего критерия международной юрисдикции», то есть критерия тесной связи спорного правоотношения с территорией государства.¹¹⁶

Проанализировав факты, Президиум не усмотрел «тесной связи с территорией» России у рассматриваемого правоотношения. Депозитные договоры заключались в Риге, денежные средства, составляющие сумму долга, также находятся в Риге, там же предполагалось и исполнение по договору.

Президиум заключил, что данный спор неподсуден российским арбитражным судам. Он отменил постановление кассационного суда и оставил без изменения решения первой и апелляционной инстанций. В результате попытка использовать российскую судебную систему для получения средств из неплатежеспособного латвийского банка в обход национальной судебной системы и национального законодательства Латвии потерпела неудачу.

Данное постановление Президиума ВАС РФ примечательно во многих отношениях.

Прежде всего, в нем Президиум впервые упоминает доктрину «снятия корпоративной вуали». Правда, обстоятельства дела абсолютно нетипичны для применения этой доктрины. Обычно под «снятием корпоративной вуали» понимается привлечение контролирующего лица к ответственности по обязательствам контролируемой им компании (или наоборот). В данном же случае речь шла не об обязательствах аффилированных с банком организаций, по которым надо было привлечь к ответственности банк, а об обязательствах банка, по которым привлекается к ответственности сам банк. Спор был лишь о том, образовалась ли в России - для юрисдикционных целей, то есть для целей определения компетентного суда - представительство банка в результате его деятельности через представительства аффилированных с ним организаций.¹¹⁷

Саму доктрину «снятия корпоративной вуали» Президиум в общем виде не формулирует и вообще упоминает лишь в скобках, что конечно, не будет способствовать ее широкому применению арбитражными судами.

115 Европейский Суд справедливости. Judgment of the Court (Third Chamber) of 18 March 1981. *Blanckaert & Willems PVBA v Luise Trost*. Case 139/80 // European Court reports. 1981. P. 819.

116 П. 10 ч. 1 ст 247 АПК РФ.

117 Напомним, что похожий вопрос решался английскими судами в деле *Adams v Cape*

Вообще необходимость привлечения доктрины «снятия корпоративной вуали» для обоснования решения именно в данном деле представляется спорной. Если банк «вел деятельность» в России через другие организации, то признать наличие у него в России представительства для юрисдикционных целей можно было, по-видимому, и без лишения правосубъектности его аффилированной организации (кстати, подобным образом и поступил в упомянутом Президиумом прецеденте Европейский Суд).

Чрезвычайно любопытен тот факт, что Президиум уверенно ссылается на решения Европейского Суда справедливости, цитирует сформулированные в его прецедентах правила и даже, создается впечатление, применяет эти правила, в том числе когда они вступают в конфликт с российским законодательством и международными соглашениями России.

Стоит подчеркнуть, что речь идет не о Европейском суде по правам человека (суд Совета Европы, в который входит и Россия), а о суде Европейского Союза, к которому Россия никакого отношения не имеет. Высшие суды стран англосаксонской семьи права нередко цитируют для обоснования своей позиции решения высших судов других юрисдикций, чаще всего также принадлежащих к англосаксонской семье. Однако для российских судов это нечто доселе неслыханное.

Впрочем, речь, конечно, не идет об обязательности практики Европейского Суда для российских судов. В действительности соответствующие правила вводятся в российское право самим Президиумом, а ссылка на зарубежную практику имеет скорее сравнительно-правоведческий характер.

Так, правило определения наличия - для юрисдикционных целей - представительства иностранной компании при ведении ею деятельности через независимую организацию Президиум сопровождает ссылкой на «современную международную практику» и, в частности, на практику Европейского Суда. Эта практика не является формально обязательной для российских судов. Никаких ссылок на российское законодательство для обоснования этого правила Президиум не делает. Следовательно, с точки зрения российского права соответствующее правило введено в действие самим Президиумом.

Далее, договор России с Латвией недвусмысленно устанавливает (с оговорками лишь в части исключительной компетенции судов и пророгационных соглашений сторон, не имеющими отношения к данному делу), что суд по месту нахождения представительства иностранного юридического лица компетентен рассмотреть иск к этому лицу. Однако Президиум формулирует и применяет иное правило, согласно которому суд по месту нахождения представительства иностранной компании не компетентен рассматривать иск из сделки, если это представительство не участвовало в «заключении, оформлении, исполнении сделки», а положения международных договоров, предусматривающее иное правило, не подлежат применению. Это правило выглядит довольно логично, но на букве закона оно, по-видимому, не основано.¹¹⁸

Президиум довольно туманно характеризует это правило как «общепринятое» (кем?), опять со ссылкой на прецедент Европейского Суда справедливости. Однако в процитированном Президиумом деле Европейский Суд такого правила не провозглашал: речь шла лишь о том, что независимый агент, несмотря на его участие в заключении сделок, не считается представительством для

Industries (см. раздел о Великобритании).

118 На норму о подсудности по выбору истца, согласно которой по месту нахождения представительства может подаваться иск, «вытекающий из деятельности» этого представительства (ч. 5 ст. 36 АПК РФ) Президиум не ссылается. Так или иначе, в случае

целей Брюссельской конвенции. В действительности правило о том, что суд по месту нахождения «филиала, агентства или представительства» (branch, agency or other establishment) компетентен рассматривать споры, «проистекающие из операций» этого филиала, агентства или представительства, было явно установлено самой Брюссельской конвенцией,¹¹⁹ а в настоящее время в ЕС действует идентичное положение так называемого Первого Брюссельского регламента от 2000 года.¹²⁰ Однако ни Брюссельская конвенция, ни Брюссельский регламент не применяются в России. Таким образом, перед нами еще одно процессуальное правило, введенное волевым решением самого Президиума.

Для сравнения отметим, что в основных странах англосаксонской системы права подобного правила не существует - не считая случаев применения норм законодательства ЕС или международных договоров, - но зато суды имеют большую свободу отказываться от рассмотрения дела, если они считают другую страну более для этого подходящей по всей совокупности обстоятельств дела (доктрина «forum non conveniens»).121

Так или иначе, начало использования в России доктрины «снятия корпоративной вуали» было положено. Однако данное дело было слишком нетипичным, чтобы можно было говорить о возможности последующего широкого применения доктрины арбитражными судами. По-видимому, для разъяснения судам ее смысла ВАС РФ придется еще немало потрудиться.

Консервативную позицию арбитражных судов в отношении применения неcodифицированной доктрины «снятия корпоративной вуали» можно проиллюстрировать двумя недавними актами Тринадцатого арбитражного апелляционного суда.

Эти дела являются эпизодами судебных тяжб между миноритарными акционерами ОАО «Кировский завод», одного из старейших и крупнейших предприятий Санкт-Петербурга, и его генеральным директором С. Заметим, что другой эпизод этих споров уже вылился в принятие Президиумом ВАС РФ постановления, ставшего важнейшим прецедентом в части обязанностей и ответственности руководства акционерных обществ.¹²²

По мнению миноритариев, «в результате цепи взаимосвязанных сделок, совершенных при наличии признаков злоупотребления правом» со стороны руководства завода, крупный пакет акций завода был отчужден дочерними обществами завода в пользу третьих лиц, а впоследствии оказался под контролем самого С. и его родственников. Согласно истцам, это отчуждение привело к «умалению имущества Общества [Кировского завода], и, следовательно, к уменьшению стоимости его акций». Миноритарии, помимо множества других исков, предъявили иск к дочерним обществам завода, требуя признать недействительными решения Кировского завода, принятых от его имени генеральным директором, об одобрении сделок дочерних обществ по отчуждению акций. Однако суд первой инстанции отказал в иске, сочтя, что «истцами избран неверный способ защи-

конфликта норм должны применяться положения международного договора.

119 Ст. 5(5) Брюссельской конвенции.

120 Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal L 012. 16.01.2001. P. 1—23.

121 См., например: *Будылин С.Л.* Почему российский бизнес предпочитает судиться в Лондоне? // Корпоративный юрист. 2013. № 2. С. ___.

122 Постановление Президиума ВАС РФ № 12505/11 от 06.03.2012 по делу № А56-12505/2010. Подробнее об этом деле см.: *Будылин С.Л.* Разум и добрая совесть... С. 32-39.

ты права», поскольку «законность действий С. подлежит оценке в рамках спора о взыскании убытков [с генерального директора]».

В апелляционной инстанции (октябрь 2012 г.)¹²³ истцы, помимо прочего, предоставили «ходатайства о применении доктрины "срывания корпоративной вуали" в связи с тем, что С. злоупотребляет конструкцией юридического лица, используя дочерние общества для вывода активов в свою пользу». По-видимому, идея заключалась в том, чтобы «снять корпоративную вуаль» с дочерних обществ и признать их сделки сделками самого завода, которые миноритарии завода в этом случае смогут оспорить. Однако суд на это возразил, что ходатайства «фактически представляют собой изложение позиции истца по существу спора».

«Применение при рассмотрении дела какой-либо доктрины в качестве отдельного процессуально-го действия АПК РФ не предусмотрено», - подчеркнул апелляционный суд (председательствующий Л.Н. Марченко). По существу вопроса суд занял вполне формалистическую позицию, сообщив истцам, что дочерние общества в соответствии с законом являются самостоятельными юридическими лицами. Не помогла истцам и ссылка на прецедентное постановление Президиума ВАС в деле банка «Парекс». «Обстоятельства, послужившие основанием для формирования практики применения "доктрины корпоративной вуали" в Постановлении Президиума..., не совпадают с обстоятельствами данного дела», - не без оснований отметил апелляционный суд, оставив без изменения решение суда первой инстанции.

На аналогичных основаниях был отклонен и параллельно рассматривавшийся иск миноритарев к нынешним держателям акций (ряду зарубежных компаний) о «восстановлении положения, существовавшего до отчуждения» акций, то есть о возврате акций дочерним компаниям завода.¹²⁴

Первое из упомянутых постановлений апелляционной инстанции было рассмотрено в кассации в феврале 2013 года.¹²⁵ ФАС Северо-Западного округа, судя по его постановлению, полностью проигнорировал требование истцов о применении доктрины «снятия корпоративной вуали». Однако суд указал, что в соответствии с позицией Пленума ВАС РФ,¹²⁶ акционер имеет право оспорить решение генерального директора, даже когда возможность такого оспаривания явно законом не предусмотрена, «если принятое решение не отвечает требованиям Закона [об АО] и иных нормативных правовых актов и нарушает права и охраняемые законом интересы акционера». Ответчиком по такому делу является само акционерное общество (а не его дочерние общества). Что касается того, нарушал ли генеральный директор требования закона, кассационная инстанция отметила, что нижестоящие суды не установили, действовал ли он «добросовестно и разумно» (как это предписано Законом об АО).¹²⁷

123 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2012 по делу № А56-38334/2011.

124 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2013 по делу № А56-14749/2010.

125 Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.02.2013 по делу № А56-38334/2011

126 П. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах».

127 П. 1 ст. 71 Закона об АО.

В результате дело было направлено на новое рассмотрение. Как видим, ФАС Северо-Западного округа тоже предпочел воздержаться от использования новомодной доктрины «снятия корпоративной вуали», а прибег к более традиционным аргументам для пересмотра дела.

Диаметрально противоположная картина наблюдалась в одном из недавних дел, решавшихся судами общей юрисдикции. Здесь мы вновь встречаемся с уже известной нам кипрской компанией Dalemont Limited, пытающейся взыскать с российского предпринимателя С. крупную сумму, которую он задолжал российскому банку (см. раздел о Джерси).¹²⁸

В январе 2012 года Мещанский районный суд взыскал с С. задолженность перед банком, и в счет ее погашения обратил взыскание на несколько десятков объектов недвижимого имущества. Имущество, однако, принадлежало не самому предпринимателю, а нескольким российским ООО, предположительно им контролируемых.

Судья Анастасия Яковлева пришла к выводу, что «через все юридические лица, привлеченные к участию в деле в качестве ответчиков, С. осуществляет бенефициарное владение имуществом, т.е. является фактическим собственником имущества, на которое истец просил обратить взыскание».¹²⁹

Именно на основании этого вывода взыскание в счет погашения долга физического лица было обращено на активы юридических лиц. Кроме того, на основании этого же вывода был решен вопрос о подведомственности спора суду общей юрисдикции (а не арбитражному суду, как настаивали сами ООО).

Решение нашло полное одобрение в апелляции. «Довод всех юридических лиц, подавших апелляционные жалобы, о том, что они не являются надлежащими ответчиками по делу, опровергается представленными в дело доказательствами, свидетельствующими о том, что С. через цепочку корпоративного (акционерного) контроля, в которой ответчики... представляют собой заключительные звенья, является собственником недвижимого имущества, на которое суд первой инстанции обратил взыскание», - сообщается в апелляционном определении Московского городского суда (председательствующий Наталья Вишнякова).¹³⁰

В дальнейшем Мосгорсуд отказал и самому С., и обществам-владельцам недвижимости, и даже миноритариям, обнаружившимся в «цепочке корпоративного контроля», в передаче их кассационных жалоб на рассмотрение Президиума Мосгорсуда. Из судебных актов, кстати, можно видеть,

128 См., например: *Аминов Х. Александр* Сенаторов позвал на подмогу в борьбе с «Альфой» своих миноритариев // *Коммерсантъ*. 03.08.2012. № 142 (4927). С. 7. Доступно по адресу: <<http://www.kommersant.ru/doc/1993986/>>.

129 Цитируется по судебному акту апелляционной инстанции, см. ниже.

130 Апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2012 по делу № 11-16173.

что «цепочки корпоративного контроля» включали не только компании, владеющие акциями других компаний и обществ, но и англосаксонские трасты, и фонд на Джерси.¹³¹

Что касается миноритариев, утверждавших, что суд разрешил вопрос о их правах и обязанностях без их привлечения к делу, судья Алексей Князев сообщил им, что «если указанные лица считают себя действительными собственниками соответствующего имущества, на которое судом обращено взыскание либо считают свои права и законные интересы нарушенными каким-либо образом, то они не лишены возможности обратиться в суд с иском о признании права собственности на данное имущество либо об ином способе защиты своих прав в рамках самостоятельного гражданского (арбитражного) процесса».¹³²

Как видим, суд общей юрисдикции «снимает вуаль» - или скорее «бесцеремонно срывает» ее, используя выражение английских судей - сразу с нескольких десятков обществ, компаний, фондов и трастов из различных стран. Сам термин «снятие корпоративной вуали» судами при этом не употребляется.

Для обоснования столь необычного шага суды общей юрисдикции не нашли необходимым сослаться на какую-либо норму закона, судебную практику или доктрину. Судами исследовался лишь вопрос о «бенефициарном владении» имуществом со стороны С. «через цепочку корпоративного контроля». Надо сказать, что упомянутые термины российскому гражданскому праву неизвестны и самими судами определены не были. Вопрос о наличии или отсутствии злоупотребления, недобросовестности, обмана или иного правонарушения при использовании юридических лиц судами не ставился и не решался. Интересы миноритариев судами по существу не обсуждались и не учитывались.

Представляется, что, независимо от оценки справедливости или несправедливости исхода данного дела, возникшие в нем правовые вопросы заслуживали гораздо более подробного и глубокого анализа со стороны судебной системы.

Как видим, в России использование доктрины «снятия корпоративной вуали» находится в зачаточном состоянии. Доктрина упоминается в одном из постановлений Президиума ВАС РФ, но как-то мимоходом и даже без внятной формулировки. Неудивительно, что пока она не стала руководством к действию для арбитражных судов. В нескольких случаях арбитражные суды уже отказывали в применении этой доктрины со ссылкой на несовпадение фактических обстоятельств рассматриваемых дел с прецедентным делом банка «Парекс». Зато некоторые суды общей юрисдикции «снимают корпоративную вуаль» с необыкновенной легкостью, не считая нужным обосновать этот шаг чем-либо, кроме наличия «цепочки корпоративного контроля».

Заключение

Доктрину «снятия корпоративной вуали» имеет смысл рассматривать в общем контексте борьбы со злоупотреблениями в корпоративных отношениях. Так, принципы ответственности руководи-

131 Кассационные определения Московского городского суда от 25.12.2012 № 4г/2-12260/12; от 13.11.2012 № 4г/2-10606/12; № 4г/2-10195/12; № 4г/2-10134/12; № 4г/2-10130/12; № 4г/2-10125/12.

132 Кассационное определение Московского городского суда от 13.11.2012 N 4г/2-10125/12.

теля акционерного общества, сформулированные Президиумом ВАС в деле Кировского завода, направлены на борьбу со злоупотреблениями правом со стороны руководства общества в ущерб интересам акционеров. Доктрина «снятия корпоративной вуали», упомянутая Президиумом в деле банка «Парекс», направлена прежде всего на борьбу со злоупотреблением правом со стороны мажоритарных акционеров и других контролирующих общество лиц в ущерб интересам кредиторов общества.

Доктрину «снятия корпоративной вуали» можно рассматривать и как своего рода дополнение к нормам писаного закона, тоже предусматривающим, при определенных обстоятельствах, возможность фактического лишения участников компании (общества) их привилегии ограниченной ответственности. Как мы видели, подобные нормы писаного закона существуют и в англосаксонских странах, и в странах романо-германской семьи права, в том числе в России.

Доктрину «снятия корпоративной вуали» можно также рассматривать в ряду других неcodифицированных судебных доктрин. Она хорошо известна в странах англосаксонской правовой семьи, где она находится в родстве с доктриной «деловой цели», принадлежащей к налоговому праву. В странах романо-германского права, таких как Германия, «снятие корпоративной вуали» обычно не рассматривается как особая судебная доктрина, но тем не менее наблюдаются отдельные случаи фактического «снятия корпоративной вуали» на основании нормы о запрете злоупотребления правом.

В России доктрина «деловой цели» (или «необоснованной налоговой выгоды») была сформулирована Пленумом ВАС в 2006 году и с тех пор активно применяется судами, а вот доктрина «снятия корпоративной вуали» пока была лишь однажды использована Президиумом ВАС (в 2012 году), но при этом даже не сформулирована явно.

В одном из своих интервью (2012 г.) Председатель ВАС РФ Антон Иванов, отвечая на вопрос о том, что препятствует внедрению доктрины «снятия корпоративной вуали» в судебную практику, высказал следующее мнение: «Это проблема менталитета судей, воспитанных в приверженности формализму, и сторон, которые не заявляют такие требования. . . . Не за горами и то время, когда суды будут рассматривать проблемы "снятия корпоративной вуали". Если стороны будут заявлять и обосновывать такие требования, суды будут вынуждены их рассматривать. На формирование практики уйдет не менее двух лет».¹³³

Существующая на настоящий момент судебная практика наводит на мысль о том, что эта оценка была чрезмерно оптимистична. Арбитражные суды пока проявляют здоровый консерватизм. Несмотря на то, что стороны иной раз «заявляют и обосновывают» требования о «снятии вуали», суды избегают использования неcodифицированной доктрины в отсутствие четких указаний от своей высшей инстанции. Зато некоторые суды общей юрисдикции порой «снимают корпоративную вуаль», ничтоже сумняшеся, сразу с целых корпоративных групп, не считая даже нужным сколько-нибудь внятно обосновать этот шаг.

Похоже, что, в отсутствие интереса к проблеме у федерального законодателя (если, конечно, последний не изменит свою позицию), именно ВАС РФ придется формулировать доктрину «снятия

133 «Государство рискует лишиться крупных активов». Антон Иванов о разногласиях в судебном сообществе // Коммерсантъ. 31.07.2012. № 139 (4924). Доступно по адресу: <<http://www.kommersant.ru/doc/1991007>>.

корпоративной вуали» для последующего ее использования арбитражными судами. Можно надеяться, что и суды общей юрисдикции в некоторой степени прислушаются к мнению высшей инстанции «параллельной судебной вселенной», хотя для них оно и не является формально обязательным. Ввиду комплексного характера проблемы, логично было бы сформулировать саму доктрину и правила ее применения в постановлении Пленума ВАС РФ. (Особенно учитывая относительную неудачу первой попытки Президиума ввести эту доктрину в российское право через постановление надзорной инстанции и, наоборот, полный успех провозглашения Пленумом доктрины «деловой цели».)

Конечно, активная позиция ВАС в части создании общеобязательных правил в области, где такие правила отказался ввести федеральный законодатель, может вызывать вопросы о пределах конституционных полномочий ВАС. Однако те же вопросы относятся и к другим примерам судебного правотворчества, таким как доктрина «деловой цели». Так или иначе, именно ВАС, а не суды низших инстанций, имеет прямую правовую возможность сформулировать «абстрактную правовую позицию» в отношении «снятия корпоративной вуали». В другом интервью, данном в конце 2012 года, А.А. Иванов сообщил, что ВАС планирует выпустить «разъяснения» для судов по этому вопросу в 2013 году.¹³⁴

Формулировки соответствующего документа имеет смысл выработать с учетом богатого зарубежного опыта, естественно, с необходимыми поправками на российскую правовую терминологию и практику делового оборота. Стоит обратить внимание и на формулировки отвергнутого Госдумой законопроекта.

Представляется, что правовой основой применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России должна являться норма ГК РФ о злоупотреблении правом (как, например, в Германии). Но при этом судам необходимы четкие указания относительно того, что именно подлежит доказыванию в подобных делах. Важно подчеркнуть обязательность доказывания двух элементов: во-первых, наличие контроля и, во-вторых, наличие злоупотребления корпоративной формой.

Первый подлежащий доказыванию элемент в англосаксонских юрисдикциях обозначается такими терминами как «доминирование», «владение и контроль». Речь идет о том, что контролирующее лицо имеет возможность определять действия подконтрольного лица.

Для установления наличия контроля может использоваться ряд учитываемых в совокупности «факторов», часто приводящихся в американских судебных решениях. Помимо формальных обстоятельств, таких как участие в капитале и руководящих органах организации, важно учесть и ряд менее формальных или вовсе неформальных факторов: наличие у организации достаточного капитала, наличие у нее собственного имущества, степень фактически демонстрируемого ею коммерческого усмотрения и т.п.

Второй подлежащий доказыванию элемент в англосаксонских юрисдикциях обозначается такими терминами как «недобросовестность», «обман или правонарушение». Сформулировать его несколько сложнее, чем первый, но суть состоит в том, что контролируемая организация использо-

134 Интервью — Антон Иванов, председатель ВАС // Vedomosti.ru. 18.12.2012. Доступно по адресу:

<http://www.vedomosti.ru/library/news/7295621/sejchas_s_dolzhnikov_vzyat_nechego_anton_ivanov_predsedatel?full#cut>.

валась контролирующим лицом во вред третьему лицу и одновременно как инструмент ухода от ответственности самого контролирующего лица. Английские судьи в этом случае говорят об использовании компании в качестве «фасада для сокрытия фактов». Вариант упоминавшегося выше российского законопроекта: «совершение действий направлено на ограничение ответственности контролирующего лица, которую оно понесло бы, если бы действия были совершены самим контролирующим лицом, и при этом такими действиями причинен вред другому лицу».

От формулировок, предложенных ВАС, а также от его последующей надзорной практики, будет зависеть очень многое. Именно высшей судебной инстанции предстоит определить, станет ли в России «снятие корпоративной вуали» относительно распространенным приемом, как в США, редким исключением, как в Великобритании, или совершенно уникальным явлением, как в настоящее время в Германии.

Рано или поздно российской судебной системе (или законодателю) придется решать и более тонкие вопросы, активно исследуемые в настоящее время судами англосаксонских юрисдикций, такие как проблема перехода договорных обязательств в результате «снятия корпоративной вуали» или проблема выбора права, применимого при «снятии вуали» с иностранных юридических лиц.

В заключение отметим, что для эффективного использования доктрины «снятия корпоративной вуали» истцу жизненно необходима возможность получения информации о структуре владения и управления организациями, которые предположительно контролируются ответчиком. Для российского права эта тема весьма проблемная. В отличие от США, Англии или даже Джерси, в России возможности стороны гражданского процесса по получению от другой стороны какой-либо информации чрезвычайно ограничены. Правда, в упоминавшемся деле с участием компании Dalemont в распоряжении Мещанского суда оказалась подробнейшая схема владения недвижимостью, включая российские и зарубежные общества, компании, трасты и фонды. О происхождении этой информации материалы дела умалчивают, но в любом случае наличие столь подробных сведений об офшорных корпоративных структурах — редчайшее исключение. Введение в российскую правовую практику доктрины «снятия корпоративной вуали» потребует дальнейшего развития российского права и в этом направлении.

Материал подготовлен компанией Roche & Duffay
тел. (495) 790-2660; 926-2990